



МИХАИЛ ЦЫГАНКОВ
ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ
ДО КОНЦА СВЕТА



12+

Михаил Александрович Цыганков

За несколько дней до конца света...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57119298

SelfPub; 2020

Аннотация

Очень часто случается, что плохое идет следом за хорошим. Не просто идет, а висит на хвосте, не обращая внимания на угрожающе-красный свет стоп-сигналов. А ты мчишься вперед, не глядя в зеркало, считаешь оставшиеся до дома километры, не подозревая, что считать надо не километры, а минуты. Последние минуты спокойной жизни... Именно так и случилось с моими героями. Летели они на ковре-самолете на базу Российского Экспедиционного корпуса, но потерпели авиакатастрофу (а может коврокатастрофу). Очухавшись после падения, они познакомились с Вдохновенным Кудесником и с радостью узнали, что находятся на русской границе. На боевой самоходной печке Тамаре герои отправляются в стоящий на берегу большого озера Светлое, пограничный городок Кузькин, чтобы сообщить местному князю о готовящемся вторжении врагов, но это лишь начало их приключений. Продолжение романа-пародии "Последний экипаж Белого кро...". Жанр – юмористическое фэнтези.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	53
Глава 6	62
Глава 7	70
Глава 8	78
Глава 9	86
Глава 10	95
Глава 11	102
Глава 12	108
Глава 13	115
Глава 14	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Сказка для начинающих принцев и новоиспеченных секретных агентов без номера

Все совпадения с историческими (и не историческим) лицами и событиями случайны и являются лишь плодом больной фантазии автора.

P.S. При написании романа, ни один птеродактиль и си-небрюхий желтопузик не пострадали.

Глава 1

Стоило скомандовать – «взлет», как мы с Кейси к коврику словно приклеились. Думаю, это сработали какие-то магические ремни безопасности. Без них мы и минуты бы не продержались. Слетели бы вниз к чертовой матери. А куда коврик без пассажиров? Опять на стенку, или на пол? Скажите честно, вы летали когда-нибудь на ковре-самолете? Только честно! Внутренний голос подсказывает мне, что нет. Тогда скажите, а видели, КАК на нем летают? Ну, это, конечно, видели все и не раз. Я даже не сомневаюсь. Фильмы и мультики постарались.

Садится, значит, герой на ковер, а иногда еще пассажиров с собой прихватывает. И летят они спокойненько и красиво над полями, над лесами, над высокими, обратите внимание, **ВЫСОКИМИ**, горами, и никакого холода, никакого кислородного голодания не испытывают. Курят кальян, пьют щербет и разные арабские бортовые пайки. Никаких неудобств, неприятных ощущений и перегрузок, сплошные комфорт и удовольствие. Никто с ковра не падает, хотя он и закладывает безумные виражи, никого не тошнит, хоть он и скачет по воздушным ямам как арабский скакун мухой цеце укушенный. Можно подумать, что ковер самое безопасное и комфортное транспортное средство передвижения на планете.

Так думают те, кто никогда сам на нем не летал.

На самом деле, ковер-самолет чрезвычайно неудобная штука. Единственное его достоинство в том, что с него действительно трудно свалиться! А в остальном, никакого комфорта. Но обо всем по порядку.

Ковер без пассажиров летать не может, вот и держит их мертвой хваткой. На этом весь сервис заканчивается. Сидеть на летящем ковре-самолете, все равно, что носиться по небу на листе летающей фанеры. (Вот она тайна знаменитого выражения!). Спине опереться не на что, ноги деть некуда, мелкая мошкара в лицо бьет. Ни поговорить, ни природой окружающей полюбоваться. Остается одно – лечь на спину и рассматривать ночные звезды. Обсудить сложившуюся ситуацию все равно не получится, свист ветра мешает, да и какая-нибудь летучая гадость может в рот залететь. Тот же драконий носогрыз, например, или летучий плотоядный паук-пилигрим. Он не очень большой, со среднего хомяка размером, но кусается как голодный павиан.

Немного поёрзав туда-сюда, мы с Кейси улеглись головой по направлению движения (очень неудобно без подушек) положили под головы руки и стали любоваться ночным небосклоном. Ума не приложу, кому пришло в голову объявить ковры-самолеты грозной боевой силой? Как на нем вести воздушный бой или сбрасывать на врага бомбы? Если только залечь с ручным пулеметом и стрелять из положения лежа. Кстати, а ведь это идея! Надо будет попробовать, при слу-

чае...

А пока полет проходил в штатном режиме. Звезды медленно плыли вверх, внизу что-то мелькало. Светящаяся точка ползла по ковру на северо-восток. На всякий случай я снял автомат с предохранителя и положил его себе на грудь. Но никто на нас не покушался, не пытался убить, или сожрать. Неведомый враг потерял нас из виду, или у него других дел было по горло. Размышляя на эту животрепещущую тему, я задремал. Нет, не заснул! Как можно спать в боевых условиях! Именно задремал.

В дрёме я видел свое триумфальное возвращение в Новый Кронштадт. Каперанг Ржевский преподносил мне, по случаю успешно выполненного задания, огромного жареного гуся. И только я собрался, обливаясь слюной, как собака Павлова, оторвать ногу птицы, как гусь обернулся живым цыпленком птицы Рух, и начал за мной гоняться, стараясь пнуть мозолистой ногой. Наверно, мстил за мертвого собрата.

Сообразив, что убегать бесполезно, я превратился в лягушку, потом в змею, потом в цаплю, потом в виновато улыбающегося доктора Ливси, потом в Кейси, потом в неизвестную мне, но в тоже время очень знакомую обворожительную красавицу, и в завершении всех метаморфоз, попытался обернуться Годзиллой. Это мало помогло делу. Я превратился в помесь ньюфаундленда с крокодилом. Громадный, волочащийся по земле хвост мешал бежать, цеплялся за все под-

ряд и всячески тормозил движение. Крылатая гадина воспользовалась этим и, мгновенно настигнув меня, повалила и начала бить ногами в живот ругаясь по-немецки. Больно не было, было обидно. Я отбивался руками и прикладом автомата. Уклонившись от мощного удара мозолистой лапы, я размахнулся Калашниковым, стараясь засветить пернатому недорослю в глаз...

– Милый, успокойся! – ласково, но тревожно сказала птица, и я проснулся.

Испуганная Кейси держала приклад моего автомата двумя руками. Светало. Солнце осторожно выглянуло из-за горизонта решая, стоит ли начинать этот день. Но выбора у него не было, и светилу пришлось, медленно и лениво вылезать на небосклон.

Но я готов был простить ему все! Ведь всего несколько часов лета отделяло меня от горячего душа, теплой кровати... и вдумчивых офицеров из спецотдела, горящих нетерпением узнать, где это я ошивался столько времени и почему притащил с собой на секретный военный объект гражданку иностранного государства.

Я и сам многое хотел бы узнать. Почему именно меня выбрала японская принцесса? Что за таинственный медальон таким странным образом нашел я в бункере? Что это вообще за бункер такой? Почему именно за мной охотится неведомый злодей? Что случилось с «Белым кроликом» и его экипажем? И самый главный вопрос – кто превратил меня в ля-

гушку? Ответ на него интересовал меня больше всего, я решил воспользовавшись свободной минуткой поразмыслить над этой проблемой, но не успел...

У ковра начались серьезные неполадки. Он дергался, бился в конвульсиях и, что самое паршивое, медленно терял высоту. Быстрый осмотр транспортного средства выявил причину неисправности. Барахлил правый мотор. Простите, бахрама с правого края медленно распускалась. Золотистая нить, струясь, исчезала в утреннем сумраке.

– Ты вязать умеешь? – спросил я у Кейси. Она возмущенно замотала головой. Видимо в школе, готовящей американских военных поваров, эту дисциплину не преподавали. Я начал вытаскивать нить и пытаться завязать ее в узелки.

– Милый! Ты владеешь индейским узелковым письмом? – поразила Кейси.

– Нет, – ответил я, – я хорошо владею русским чувством самосохранения.

– Тогда может, ты умеешь ЛАТАТЬ ковры? – спросила она и показала мне под ноги.

Дело было – хана. Ковер трещал по швам, вернее сказать – расползался на глазах. Может, его у камина пересушили, может, эта какая-нибудь неизвестная ковровая болезнь, или популяция моли приспособившееся к местным условиям – не знаю. Могу сказать с уверенностью одно, Далеко мы так не улетим, а если улетим, то только вертикально вниз.

Но и приземляться прямо сейчас тоже не хотелось. А

вдруг за нами выслали погоню на драконах? Или заброшенные далеко вперед отряды монахов прочесывают лес?

Летчики всех войн, времен и народов всегда стараются дотянуть на подбитой машине до линии фронта и посадить ее, если не на свою, то хотя бы на дружественную территорию. Там обязательно найдутся люди, способные по достоинству оценить мужество и героизм пилота, не горящие желанием немедленно поставить его к ближайшей стенке и пустить в расход. А мы чем хуже? Нельзя не учитывать чужой боевой опыт. Совсем недалеко от нас, на востоке, там, где сейчас лениво всходило солнце лежали земли русских князей.

– Меняем курс! – скомандовал я. – Летим строго на восток! Высота – минимальная!

Я и не знал, что ковер способен понимать голосовые команды. Наш летающий друг, задрожав как паровоз Черепанова, увидевший скоростную магистраль Москва-Сочи, заложил крутой вираж и задергался на восток, прижавшись к самым верхушкам проносящихся внизу деревьев. Солнечный диск, опасаясь лобового столкновения, быстро рванул вверх.

Наматывая на руку, струящуюся с правого края нить, я с тихим ужасом наблюдал, как ковер тает прямо на глазах. Но он из последних сил, буквально разваливаясь на части, нитки и лоскутки, упрямо следовал заданным курсом. Золотистая точка указателя курса упрямо тащилась по вытканной на ковре карте и вдруг нырнула в большую, только что обра-

зовавшуюся дыру.

В этот момент, болтавшийся далеко внизу золотой конец бахромы, за что-то зацепился. Ощущение было такое, словно на рыбалке вместо обычного карася, или бычка, крючок заглотнул кашалот. Нить, чуть не оторвав руку, исчезла внизу. Ковер дернуло и резко развернуло. Бахрому с правого борта, как ветром сдуло. Свалившись в плоский штопор, мы стали похожи на большой лист хвощеподобного клена, с двумя гигантскими богомолами сверху. Но ковер был классным пилотом. Даже погибая, он спасал своих пассажиров. В последний момент, он завис над проступившей из утреннего тумана небольшой поляной, метрах в трех от земли, а потом плавно скользнул (а если говорить честно – рухнул) вниз.

Раздался треск, металлический грохот, в нос шибануло спиртом, что-то рвануло и, тут же все вокруг осветил высокий столб жаркого пламени.

Взрывной волной нас бесцеремонно швырнуло в росшие по краю поляны высокие колючие кусты. Оттуда, как пушечные ядра, вылетели большие лохматые зайцы и, злобно клацив зубами, растворились в лесу. Я быстро огляделся вокруг. Это был обычный темный лес с листьями нормального зеленого цвета.

Никогда не думал, что падение ковров-самолетов сопровождается такими пожарами и разрушениями. Словно это не ковер, а какой-нибудь «Б-29». Только заправленный самогоном. Запах стоял такой – хоть огурцами закусывай. Мы,

обдирая в кровь ноги и руки, вылезли из кустов и вскочили на ноги. В центре поляны полыхал гигантский костер. Столб пламени поднимался выше деревьев.

– Для полноты счастья нам не хватает нормального лесного пожара! – сказала Кейси.

И тут в костре опять что-то рвануло. Это было похоже на пуск ракеты «Булава-3» с замаскированной позиции. Волна, ударившего в лицо жара, отливающий сине-зеленым огненный хвост, сноп искр, громкий хлопок, грохот, как при взрыве завода китайской пиротехники. И в небо с глухим ревом ушла объятая огнем железная штука.

Я как замороженный смотрел ей вслед и пытаюсь понять, где в ковре было спрятано столько горючего?

Ковер-самолет он по своей сущности ковер и есть. Только сотканный из волшебной нити и обшитый заколдованной бахромой. И я никогда ничего не читал, и не слышал, о взрывающихся коврах, да еще и с ракетами на борту! В голове крутилась тысяча версий, от раскатанного в тонкую плоскость сжатого пространства, до столкновения с бомбардировщиком-невидимкой. Версии, конечно, одна бредовее другой, но что вы бы предположили, оказавшись на моем месте?

Вздохнув, я наклонился, чтобы поднять с земли кусочек обгоревшей тряпочки с золотистой бахромой по краю и остолбенел – рядом с ним, слегка присыпанная сухими еловыми колючками, лежала старая выцветшая бескозырка с золотой надписью «Аврора».

Бородатый мужик в ватнике и линялой тельняшке возник на поляне внезапно. В руках он сжимал, дымящуюся с двух сторон, устрашающего вида трубу. Оценив размеры разрушений, он разразился длинной эмоциональной тирадой, целиком состоящей из ненормативной лексики. Именно той, что валила с ног лошадей на Древней Руси. Но сейчас лошадей поблизости не было, лишь с ближнего дерева грохнулась парочка дятлов. По понятным причинам я могу передать её содержание только в общих чертах.

Сначала мужик высказался о личных качествах нехороших людей, посмеявшись уничтожить таким изуверским способом его скромную хижину. Потом заявил, что рассматривает этот факт, как диверсию, направленную на подрыв обороноспособности русских пограничных рубежей. (Русских? Я от радости чуть не поцеловал Кейси!). Затем вернулся к родословной неизвестных террористов и бегло прошелся по морально-этическим качествам их дальних и близких родственников, которые оказались, судя по всему, крайне отталкивающими личностями. Не остановившись на этом, он подверг суровой критике деловые качества какого-то Румпеля, халатно отнесшемуся к несению караульной службы и которому нельзя даже поручить охрану переполненного сортира в ожидании го... ассенизаторов. Озвучив еще несколько вариаций на вышеперечисленные темы, он бросил трубу на землю, воздел (именно воздел) руки к небу и, выкрикнув несколько слов, разом загасил пламя. И, наконец, обратился на

нас внимание...

Но тут затрещали деревья, захрустели прошлогодние шишки, в воздух поднялась целая стая перепуганных птиц и птеродактилей, а на поляну вылез большой ящер неизвестного мне вида. Покрывавшие его с носа до хвоста черные перья были взъерошены, но красный хохолок, росший прямо между двух маленьких злых глаз, торчал строго вертикально. Вид у рептилии был виноватый. Будто он только, что спер с хозяйского стола кусок колбасы и теперь ждет справедливого и неотвратимого наказания. Он заметно нервничал, постоянно облизывал раздвоенным толстым языком верхнюю челюсть, а между желтых зубов свисал длинный кусок золотистой нити...

Мужик, по прежнему не стесняясь в выражениях, высказал ящеру все, что он о нем думает, и что в ближайшем будущем с ним сделает, если тот не возьмется за ум и не перестанет лазить по деревьям в поисках гнезд с яйцекладками голокожих одлобызов. Зверюга виновато кивала в такт словам, но не спускала с нас голодного взгляда. Судя по всему ей очень хотелось нас сожрать.

Кейси плавно, почти незаметно подняла ствол автомата. А я стал прикидывать, сколько в её магазине осталось патронов. Но необходимость в стрельбе отпала сама собой. Мужик, высказав зверюге все претензии, отправил его на дальнейшее несение боевого дежурства.

— Хотя, что тут охранять... — сказал он, грустно оглядывая

пепелище.

Потом, поднял трубу, оперся на неё, как на посох (при ближайшем рассмотрении труба оказалась самым обычным змеевиком от самогонного аппарата) и просверлив нас взглядом, в переносном смысле, конечно. Хотя, здесь может случиться, что и в прямом, спросил: «Ну и что теперь будем делать, господа хорошие?».

Что делать мы не знали. Поэтому молча стояли, слушая, как затихает в лесу топот удаляющегося чудовища. Ясно было одно – если наш новый знакомый рискнул остаться без своего телохранителя, то нас он не боится и убивать, или брать в полон (и откуда такое слово на ум пришло?), по крайней мере, сейчас, не собирается. Я и Кейси одновременно открыли рты, чтобы сказать пару слов в свою защиту, но мужик нас опередил:

– Знаю, знаю, – ласково сказал он, – Все знаю, не оправдывайтесь. Это Румпель виноват. Разгильдяй, потерял бдительность, полез на елку за яйцами одлобызов, очень он их, подлец, любит, а тут ваш ковер с ниткой болтающейся. А у него хватательный рефлекс знаете, какой? Ого-го! А реакция? Почище чем у тираннозавра королевского. Ну, он и цапнул её зубами – дурак. Хоть почти теплокровный, но все-таки ящер.

Мы с Кейси закрыли рты и удивленно переглянулись, а мужик продолжил:

– Вы мне другое скажите, как вас угораздило полететь на

такой развалюхе? Тут может быть только две причины, или большая нужда заставила, или глупость беспросветная.

– Нужда большая. – сказал я. – Очень большая.

Мужик с ласковым прищуром пристально посмотрел мне в глаза.

– Вижу, – сказал он. – От смерти неминуемой вы бежали. Вот только какой неясно. Закрыто ваше прошлое плотно, пробиться не могу.

Он, отбросил в сторону змеевик, и закрыв глаза, прикоснулся рукою к нашим лбам. Ладонь у него была сухая и горячая. Пахла она полевыми травами и... самогоном.

– Вижу, что зло вы за душой не держите. И, вообще, люди русские, добрые и почти (на слове «почти» он сделал акцент) безобидные.

Кейси не стала возражать по поводу своего не русского происхождения. А я решил, что раз она моя невеста, то уже практически русская. Как у нас говорят «муж и жена одна сатана». Думаю не пройдет и года, как она научиться варить борщ, стирать руками носки, входить в горящие избы, останавливать на скаку лошадей, верблюдов, бешеных коров и другой мелкий и крупный рогатый скот – короче говоря станет настоящей русской бабой.

Представив запах свежее сваренного борща, я впал в легкую прострацию. Призрак голодной смерти маячил вдалеке, выразительно поигрывая остро отточенной лопаткой для разделки пиццы.

– А скажите люди добрые, как там дела в Лиге по борьбе с запрещенными алкогольными стимуляторами? – голос мужичка лился словно мед, вкусно и тягуче.

– Лиге по борьбе с чем? – спросил я, мысленно представляя большой кусок черного хлеба с банкой меда.

Толчок сухой горячей ладони вернул меня и Кейси к действительности. От неожиданности мы оба грохнулись на пятую точку, удивленно уставившись в раз рассвирепевшего мужика.

– Что же вы, гады, мне голову морочите! – орал он, враз потеряв свою благостность и благодушие. – Бусурманы вы вражеские, гидры контрреволюции недобитые, наймиты мирового рыцаризма окаянные. – Не ограничившись одними словами, он поднял с земли змеевик и стал гоняться за нами вокруг потухшего пожарища.

Вы спросите, а почему мы его сразу не пристрелили? Ну, что вы, господа, нельзя убивать всех встречающихся на пути! Мы, что маньяки какие? И при том, он ведь какой ни какой, а русский человек! Почему мы решили, что русский? А кто еще кроме русских, знает, про гидру мировой контрреволюции?

Так мы и бегали по кругу, беря противника на измор. Наконец, как говорил Остап Сулейман Берта Мария Бендер Бей Задунайский, «Победила молодость!». Мужик, отягощенный трубой, выдохся и остановился, не добежав до конца тридцать восьмой круг.

– Ну, все, – прохрипел он, тяжело дыша, – Шас я вас превращу в

– Не имеете права! – крикнул я. – Согласно камелотской конвенции, гражданам Большой Земли, потерпевшим кораблекрушение (или ковровкрушение), к тому же находящимся на действительной государственной службе, все жители Зазеркалья обязаны оказывать всяческую безоговорочную помощь и содействие. Тем более, что между князем Владимиром Т-34 и командованием ограниченного российского экспедиционного корпуса заключен договор и сотрудничество и взаимопомощи... А договор, сами знаете, дороже денег.

Мужик, так и не решил в кого он хочет нас превратить.

– Это на какой такой государственной службе вы состоите? – с усмешкой спросил он. – Бушлатики на вас не русского фасону, да и сапожки тоже, не наши.

– Были у нас русские мундиры, – начал оправдываться я, – были. Да поистрепались и изорвались в клочья, в странствиях дальних, и приключениях опасных, вот и пришлось переодеться в то, что под руку подвернулось. Не могли же мы предстать пред светлые князевы очи как калики перехожие, в тряпье и опорках. А несем мы службу нелегкую в воздушном флоте государства российского. В положение тяжелое попали после жестокого воздушного крушения и пробираемся теперь тайно на место постоянной дислокации, так как располагаем сведениями особой государственной важности

и охотятся за нами враги злые, кровожадные и беспощадные.

– Во как! – сказал мужик. – Злые, кровожадные и беспощадные?

– Очень! – сказал я. И что самое главное не соврал. – Хотят они предать нас смерти лютой и болезненной.

– А ты что, милый человек по-нормальному говорить не можешь?

– Могу. – ответил я.

– А чего ж тогда треплешься, как боярин на княжеском совете? – спросил он, поставив меня этим вопросом в тупик.

– Чтоб дошло до тебя быстрее! – сказал я.

– До меня уже все прекрасно дошло, ваши высокоблагодория. – мужик, нехорошо улыбнулся. – Дошло до меня, что контра вы недобитая, на погибель Руси направленная...

– Да он ленинец... – сказала Кейси.

– Или антиглобалист... – согласился с ней я.

– Никакой я не антиглоба, глоба, глобаглист! – крикнул дедок. – А если вы на счет Ильича, будь он не ладен, то я вину свою уже искупил и до сих пор искупаю. – Он поднял с земли бескозырку, бережно отряхнул от пыли и спрятал за пазуху. – К князю нашему вам зачем надо? Извести его хотите, яду смертельного в вино подсыпать?

При упоминании о яде в вине у меня мгновенно начался приступ изжоги

– Дедуля, а не много ли задаешь вопросов? – прервала наш диалог Кейси. – Сам-то ты кто? И чего по лесам пря-

чешься? И животное твое домашнее не внушает нам никакого доверия: не кошка, не собака, не коза, не корова, не исконно русский зверь – медведь, в конце концов, а ящер пернатый, да еще плохо дрессированный...

– Если бы он был плохо дрессированный, то давно бы вас сожрал! – с обидой заметил мужик. – А что по лесам прячусь, значит так надо!

– Кому надо? – спросил я. Теперь пришла наша очередь задавать вопросы.

– Кому надо – тот и знает! – с пафосом ответил мужик.

– Наша дискуссия зашла в тупик. – сказал я. – Высокие договаривающиеся стороны не смогли прийти к консенсусу и выработать единое мнение по животрепещущей проблеме. Пойдем милая, как говорит мой командир капитан первого ранга Ржевский: «Пустые мозги порождают пустые разговоры». Не такая уж это большая проблема найти князя в стольном городе. Да и найти стольный город тоже проблема левая. Выйдем на дорожку прямоезжую, а дальше она сама приведет, куда надо.

В глазах Кейси мелькнула искра нерешительности. Она не хотела оставлять в тылу подозрительного деда с ручным динозавром. Но и убивать его тоже было жалко, все-таки почти мой соотечественник.

– Можем хоть свяжем и рот заткнем, чтобы свою зверюгу не свистнул? – спросила она.

– Я вам покажу консенсус! Я вам сейчас сам так рот за-

ткну! Полундра-а-а-а!— заорал мужик, замахиваясь змеевиком. Но, увидев нацеленный в его лоб автомат, резко сбросил обороты. Это было правильное решение, я, лично, не знаю заклинания, действующего быстрее спускового механизма автомата Калашникова. — Ты, о каком Ржевском говоришь, служивый? Кликуха, в смысле погоняло у него какое? — вдруг спросил он.

— Дедуля, и откуда у тебя, такой лагерный лексикон? По какой статье срок мотал? — спросил я. — А личный позывной у моего славного командира — «Гусар»! Это каждому в нашем воздушном флоте известно. И кто ты вообще такой, чтобы вопросы такие задавать, подлый наймит иноземных разведок?

— Я иностранные разведки на дух не переносу. — сказал мужик. — Уж сколько на своем веку я этой контры в расход пустил... Вот этой самой рукой, — он потряс мозолистой ладонью — с Феликсом Эдмундовичем... А зовут меня, господа хорошие, Кудесником. Вдохновенным Кудесником.

Глава 2

Я рассмеялся ему прямо в лицо:

– Вдохновенный Кудесник? Может сам Вещий Олег, змеёй ядовитой укушенный? Или дядька Черномор, вместе со своим спецназом? Или королевич Елисей, с деревьями и звездами разговаривающий? Белая горячка страшная болезнь, не знающая границ и национальностей ...

– Черномору здесь делать нечего, – сказал старик, оглаживая бороду, – моря нету. А кто он без моря? Крыса сухопутная, человек-амфибия несчастная и беспомощная... С Вещим Олегом не знаком, слышал помер он давно. Сам разве не знаешь? Ноги не надо ставить куда попало и яд вовремя отсосать! Ведь в ногу же укусила змеюка! Но никто не рискнул... И нет теперь князя, а мог бы столько еще щитов на разные ворота поприбивать... Королевич Елисей... Говорят, лечится он сейчас. Депресняк глубокий. Пока невесту искал, гробницы да склепы разорял, гробы крушил, покойниц симпатичных целовал, в его королевстве власть сменилась. Папаньку родного тайные недоброжелатели свергли и извели в чистую. Генрих Свирепый теперь там король. Кто такой не знаю, но сила, говорят за ним большая стоит. Биться с таким без серьезных союзников пустая затея и прямая дорога в загробный мир. Елисей рыпнулся, да ели ноги унес. Так и

остался без королевства. Какой принцессе он теперь нужен? Ну поцелует, ну разбудит, а дальше что? Тут, королевич и скис, ушел в депресняк, как в песок зыбучий. Но нашлись добрые люди, подобрали, подлечили, обогрели, дали дружинную небольшую, но надежную и отправили в дальний поход на монгольскую границу, опыта боевого набираться. Ведь какое самое первое средство от этой, как её – ипохондрии? Быстрый конь, верные друзья, крепкий меч и коварный враг. Не заметишь, все как рукой снимет.

– А если снимет, но только голову? – спросил я.

– Ну что ж, как говориться «Вечная слава павшим героям!», – вздохнул старик, – значит планида его такая. Что делать? Да много еще бездомных королевичей по Руси Святой ошивается. Глаз да глаз за ними нужен. Мало ли что... – говоря это, дедок достал из-за пазухи обрывок газеты «Знамя Зазеркалья», (нашей войсковой газеты, между прочим) вышитый бисером кисет, свернул огромную самокрутку и, осторожно оглянувшись по сторонам, закурил, щелчком выбив огонь из кончика указательного пальца. – Разнервничался я с вами. – Добавил он.

В небе, прямо над нами, зависла небольшая, темная грозовая туча. Дедок внимательно посмотрел на нее, сделал легкий пас левой рукой и, туча мгновенно растворилась в голубом небе.

«А почему бы и нет?» – подумал я. Где живут Кудесники? В лесах! Что они там делают? Предсказывают будущее!

Почему в лесах? Не любят лишнюю суету и не страдают зависимостью от княжеских даров. Так почему благородному дону не встретить на своем пути Вдохновенного Кудесника?

– Так ты тот самый, Вдохновенный? Который, из темного леса на встречу ему...

– Кому – ему? – спросила недоуменно Кейси. – Страусы здесь причем?

– Страусы ни причем. – ответил старик. – Они в этих широтах не водятся...

– Но ты только что сказал: «Из темного леса навстречу ему»?

– Во-первых, не Эму, а ему, а во-вторых, это непере译имый русский национальный фольклор – умом тебе это не понять. – пояснил я.

– Почему – не понять? – возмутилась Кейси, – Про жен декабристов – понять, про дикий обычай пить литрами отраву за здоровье – понять, а про русских лесных страусов не понять?

– Страусы здесь не при делах. – веско сказал я.

– А кто тогда при делах? – спросила Кейси.

– Пушкин. – ответил я – Александр Сергеевич. Великий русский поэт.

– А... – лицо Кейси осветила радостная улыбка. – знаю. Евгений Онегин, Война и мир, Преступление и наказание?

– Правильно. – согласно кивнул я. Некогда было сейчас читать лекцию о русской классике. Да и бесполезно это...

– Он потомок самого Пушкина? – восторженно спросила Кейси, слегка опустив ствол автомата.

– Не прямой. – сказал я. – Но потомок.

А что вы хотите, чтобы я быстренько пересказал ей содержание трагической истории о Вещем Олеге и его несчастном коне? Я близко наклонился к мужику и тихо сказал прямо в ухо:

– Радуйся старик, ты теперь – сын лейтенанта Шмидта.

Имя революционного лейтенанта было Кудеснику знакомо, и он уже открыл рот, чтобы оспорить свое родство с таким знаменитым предком, но я, предвосхищая это, спросил:

– Раз ты Кудесник, почему не понял сразу, кто мы такие?

– Ты думаешь, Кудесник, так сразу все и видит? – спросил мужик.

– А разве нет? – спросил я. – Неужели Пушкин наврал, или скажем мягче, слегка приукрасил действительность?

– Ничего он не наврал. Это все Арина... Классику читать надо внимательно. – хмуро сказал Кудесник.

– А что ее читать, – ответил я. – Наизусть помню:

Из темного леса (тут Пушкин не соврал, лес действительно темный) навстречу ему (в смысле князю),

Идет вдохновенный (интересно, что он перед этим вдохнул?) Кудесник,

Покорный Перуну (язычник!) старик одному, заветов грядущего вестник.

Тут его князь видит и, естественно спрашивает (а какой

дурак не спросит?)

Скажи мне, Кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною,

И скоро на радость соседей-врагов,

Могильной засыплюсь землею?

И тут до меня дошло. Тут же ничего без специальных заклинаний не делается! Я отступил от дедка на шаг и, глядя ему прямо в глаза, с чувством продекламировал:

– Скажи мне Кудесник, любимец богов,

Что сбудется в жизни со мною,

И скоро ль на радость соседей-врагов,

Могильной засыплюсь землею?!!!!

Честно говоря, это абсолютно идиотская формулировка. Мои соседи по общежитию в Новом Кронштадте – отличные парни из экипажа нашего корабля, и они никак не могут желать моей смерти. Экипаж летучего судна, как и экипаж подводной лодки, почти всегда отдает богу душу вместе с кораблем.

А соседи, присматривающие за моей квартирой в далеком (в очень далеком!) южном городе, чудесные добрые люди, учителя на пенсии, Иван Николаевич и Людмила Владимировна, в силу своей прирожденной интеллигентности, чрезвычайной доброты и мягкости характера, тем более не могли желать моей скоропостижной кончины вдали от дома. Но что поделаешь, правила есть правила...

Лицо деда затуманилось, растрепанная борода улеглась, и

приобрела, благородный белый оттенок. Он приосанился и вроде как стал выше ростом.

– А коня? Почему коня не обещаешь? – спросил он величественным басом.

– Нету коня, – ответил я. – Сам видишь. Зачем обещать то, чего нет.

Старик на секунду задумался, согласно кивнул, пробормотав: «Да и хрен с ним, с конем. Зачем мне этот конь, морока одна», а потом замолчал и вперился взглядом в меня, словно подыскивая подходящее место для лоботомии. Именно в этот момент он и превратился во Вдохновенного Кудесника, хотя, я не заметил, чтобы он что-нибудь вдохнул.

Ох, и жутковатое это, ребята, зрелище. Высокий, мощный старик стоит, замерев как охваченный внезапным параличом телеграфный столб, а его ничего не видящие глаза, буравят твой мозг, словно плавучая буровая установка «Владимир Черномырдин» арктический шельф.

Постояв так немного, старик начал шевелить губами. Слава Богу! А то я боялся, что его прямо во время выполнения служебных обязанностей парализует, сгорит человек на работе, от перенапряжения. Боясь пропустить какие-нибудь важные сведения о своем будущем, я напряг слух по максимуму.

Кудесник сочинял стихи. Он безуспешно пытался рифмовать слова, используя чужие рифмы. Я слышал обрывки цитат из Пушкина, Есенина и даже Маяковского. Старик явно

собирался немного поплагиатствовать, но у него ничего не получилось. Наконец, отведя взгляд от моего вспотевшего лба, он разродился цитатой из классика:

– Под грозной броней, ты не ведаешь ран,
Незримый хранитель могущему дан...

На этих словах он словно очнулся и лихорадочно повторяя «Незримый хранитель могущему дан...» бесцеремонно вытащил у меня из-за пазухи подарок японской принцессы. Потом оторопело уставился на второй амулет, о котором я, честно говоря, уже забыл. Странно, но в замке Педро Голубого на него никто даже внимания не обратил. Будто его и не было. А вот Кудесник увидел.

– Короче, так. – наконец сказал он, оставляя мои цапки в покое. – Нет, у меня сейчас времени стишки сочинять. Дел невпроворот. Да и не приплачивают мне за это. А у тебя, мил человек, дел полно там. – и старик махнул рукой за лес. – Первым делом тебе надо к князю нашему – Кузьме БТ-Пятому. Явишься под его ясные очи, передашь от меня привет и расскажешь все что знаешь. Долго там не задерживайся. Доложишь, сразу руби швартовы и полный вперед к своим. Там прямым курсом мчишь к Гусару и отдаешь ему вот эту хреновину. – старик ткнул корявым пальцем в висящий у меня на шее серый цилиндрик. – И поклон от меня не забудь передать...

Закончив свою непродолжительную речь, старик сунул два пальца в рот и лихо, не по-старчески, свистнул.

– Транспорт вызвал, – пояснил он. – не пешкодралом же вам топать. Время не терпит.

– Подожди, подожди, – быстро сказал я, – а судьбу предсказать: что, когда, где и почему? От чего приму смерть, чего в жизни совершу, и когда, наконец, разбогатею?

– А оно тебе надо? – спросил Кудесник. – Уверен, что хочешь знать, когда концы отдашь? А вдруг завтра?

– Но ты же Кудесник. – слабо возразил я. – Должен предсказывать...

– Кому? – воскликнул Кудесник. – Кому в этой глуши предсказывать? Медведям? Мамонтам? Носорогам мохнатым? Или ты думаешь, что здесь постоянно околачиваются разные исторические личности? И кто тебе это в голову вбил?

– Пушкин. – честно признался я.

– Меньше бы слушал Арину, дольше бы прожил. – вынес свой вердикт старик. – Тоже мне – солнце русской поэзии. Барин был, барином и остался. Арап он арап и есть. Одно слово – Эфиоп! Откуда ему знать, кто мы, Кудесники, такие. Что бабка рассказала, в то и повторил...

– Ты уж извиняй, отец. – сказал я. – Стереотипы твердые. Великий русский поэт, наше все, разве с ним поспоришь? А зачем тогда Кудесники нужны, если ничего не предсказывают?

– Торпеду вам в брюхо, а не стереотипы, – зло буркнул мужик. Он собрался еще, что-то добавить, но его заглушило

громкое протяжное мычание.

Это мычала не корова, не одинокая самка мохнатого большерога, не зовущая своего непоседливого детеныша обеспокоенная мама-мамонтиха – это мычала Кейси. Сначала я подумал, что она случайно съела задремавшего на ветке носогрыза, или проглотила большую древесную панцирную лягушку, да мало ли чего можно в лесу с голодухи не заметить и сожрать? Но потом пригляделся и слегка успокоился, руки моей невесты по локоть были измазаны в ярко красном соке ягод растущих на кустах вокруг поляны. Кейси мычала и без конца показывала пальцем себе на губы.

– Она не знает, что нельзя, совать в рот всякую немытую гадость? – раздраженно спросил Кудесник.

– Она девушка не глупая, – ответил я, – думаю, в курсе.

– В курсе... – недовольно проворчал дедок, – Крысы вы сухопутные. Моряки говорят «по курсу». Тут такие ягоды растут... Скажи спасибо, что у нее только челюсти свело, а не рога выросли, или хвост крокодилий, или уши как у слона... – дальше перечислять возможные варианты трансформаций он не стал, а, снял с пояса фляжку, и заставил Кейси отхлебнуть прямо из горлышка.

Мычание сменилось визгом, переходящим в ультразвук. Неужели старик таскает во фляжке концентрированную серную кислоту? Он решил избавиться от моей невесты самым изощренным изуверским способом? Но Кейси умирать не спешила, повизжала еще немного и, наконец, замолкла,

судорожно хватаясь руками за горло и, открывая рот, как выброшенная на берег ластоногая мурена.

– Спирт, – пояснил Кудесник, перехватив мой обеспокоенный взгляд. – Всегда со мной. Первейшее средство от ненаправленной магии. Рекомендую. Если сожрешь что подозрительное, на вынутый след отработанный наступишь, или в забытую петлю лешего попадешь – сразу грамм сто накати. Все как рукой снимет. Опять же от вампиров первое средство. Покруче чеснока будет. Да не беспокойся ты так. Пол часика помолчит твоя подруга, а потом болтать будет как новенькая...

Жаль. Я так надеялся, что Кудесник предскажет Кейси её будущее, да и мое тоже. Ушел ведь, гад, от ответа. Ну, ничего, пол часика надо потерпеть, а потом он от меня не отвертится...

И тут на поляну, сметая бульдозером кустистые хвои и круша вековые папоротники, с шумом, треском, в облаке дыма и взлетающих к небу искр вылетело нечто.

– А вот и транспорт. – радостно сообщил Кудесник.

– Это – транспорт? – спросил я. – И на нём можно ездить?

Кейси от удивления и временной неспособности говорить просто развела руками.

– Многие ездят и не жалуются. – пожал плечами Кудесник. – Особенно зимой нахваливают.

Перед нами, дымя, как первый паровоз братьев Черепановых и плюясь искрами, как огнемет с плохо отрегулирован-

ной системой гашения пламени, стояла самая обыкновенная русская печка.

Нет, конечно, я слегка загнул, самопроизвольно передвигающаяся печка не может быть обыкновенной. Она напоминала тяжелый танк, выползший на берег небольшой броненосец и передвижную доменную печь одновременно.

Думаю, когда-то, очень давно, печка была полагающегося ей белого цвета, но время, дожди, метели, птицы и враги сделали свое черное дело. Теперь от меловой белизны остались одни воспоминания, и едва заметные намеки. Правый борт украшала почти стершаяся надпись: «Бей хазар – спасай Россию», а на левом был виден хорошо сохранившийся призыв «Вперед – на Орду!». Написанный спереди лозунг угрожал: «За Козельск ответите!». Лозунги недвусмысленно указывали на бурное боевое прошлое сего отопительного устройства. Венчала самодвижущийся агрегат, кое-как сложенная, сильно закопченная кривая труба с позолоченными (а может и золотыми?) рогами у основания. Если судить по характерному запаху, то основным топливом этой неординарной конструкции служили мазут и старые автомобильные покрышки. Кое-где были заметны застрявшие в кирпичной кладке пули и небольшие ядра. Заслонка, с правой стороны, напоминала скорее люк бомбоубежища, чем крышку обычной духовки и, кажется, могла спокойно выдержать прямое попадание бронебойного снаряда с так любимого Кейси линкора «Миссури». Какой же силой должна была обладать жен-

щина которая каждое утро?... И какие там должны стоять горшки?...

– И долго вы будете истуканов с острова Пасхи из себя строить? – спросил Кудесник.

Я не собирался изображать из себя монумент бесследно исчезнувших цивилизаций, просто не знал, как подступить-ся к этому памятнику древнерусского зодчества. Мне ни разу не попадался самоучитель езды на русских печах для чайников...

– Как этим управлять? – спросил я. Печка обиженно гро-мышнула заслонкой.

– Управлять ей не надо. Не ковер. – с усмешкой сказал старик. – Сама дорогу знает. Только не болтайте много.

– Как болтать, когда не понятно куда залезать? – я оглядел высокие кирпичные бока. – Тут лестница нужна!

– Ты глаза разуй, солдатик! Сто крабов тебе в глотку! – к деду вернулась его привычная манера разговора. – Тогда и увидишь.

И я увидел... но моя история на этом не закончилась.

На прощание дед расчувствовался. Крепко обнял меня (без всяких задних мыслей!), прижал к своей небритой ще-ке Кейси, сказал: «Береги его дочка!» и, помахав нам вслед бескозыркой, крикнул:

– Гусару обязательно передайте – я стрелял холостым! Так и скажите, Кондратий Булавкин стрелял холостым...!

Глава 3

Стояли когда-то на речке Смородине две небольшие деревеньки – Емелино и Пугачево. Скажу сразу, деревеньки не богатые, потому как мужики жили там, мягко говоря, своеобразные. В Емелино сплошь мечтатели, прожектеры, непьющие, но и не работающие, любящие на печи полежать и планы грандиозные построить о глобальной перестройке окружающей действительности. Лежали и мечтали обычно до тех пор, пока у их баб терпенье не лопалось и они (бабы), взявшись за ухват, лом или оглоблю (что под руку попадет-ся) шли воплощать мечты (свои, а не мужиков) в реальность, методом жесткого контакта вышеперечисленных предметов с головой и спиной законного супруга.

Пугачевские мужики были людьми более практичными, лежали только с большого перепою, а мечтали в основном о том, чтобы срубить денег по-быстрому и особо не напрягаясь. Поэтому и слыли первыми разбойникам в округе. Поговаривают, что они были на короткой ноге с самим призраком Коммунизма, но в это верится слабо. Потому, как они не выдвигали ни каких политических требований, а просто грабили всех, кто под руку подвернется. Даже на саму Большую Дорогу Из Желтого Кирпича ходили, но редко. Чаще к бабам из соседнего Емелино. Так мужики из двух соседних

деревень и прозябали в грабежах, праздности и пьянстве.

Но как-то раз, зимой, выловила одна емелинская баба из проруби говорящую щуку. Как выловила? Случайно. Пошла за водой к проруби. А кому еще идти, если мужик целыми днями на печи лежит и мечтает построить мост от своего порога до самой столицы? И за такими великими прожекта-ми нет ему никакого дела до низкого домашнего хозяйства. Зачерпнула баба воду, щука в ведро и влетела. Может, задумалась о чем-то своем щучьем, может, от старости, зрением ослабла, сейчас этот факт для истории установить уже невозможно. Баба оказалась не дура сразу ведро из проруби вытащила и стоит на улов налюбоваться не может, прикидывает, сколько рыбных котлет на ужин получится. Щука, естественно, просит её отпустить, обещает разную чушь в которую и поверить трудно, а баба ни в какую. Говорящая рыба здесь не редкость. Вот курица, несущая золотые яйца редкость. А говорящая рыба нет. И если каждую в прорубь обратно отпустить, то с голодухи можно легко копыта отбросить. Поэтому баба и уперлась. Подняла ведра на коромысло и собралась в избу тащить.

Щука, вообще, чуть с ума не сошла, завывала так, что баба едва из валенок не выскочила, но коромысло из рук не выпустила.

– Скорее небо упадет на землю, – говорит, – чем сдастся Измаил! Тьфу ты, чем я сама, своими руками столько еды в реку брошу. Мне мужика кормить нечем. Умственная работа

знаешь, сколько сил отнимает? Вот дотащу тебя до печки...

Щука видно совсем от такой перспективы свихнулась и кричит:

– А если твоему мужику ни на что больше силы тратить не надо будет? И он к тебе прямо сейчас, сюда не вставая с печки, придет, поверишь, что я не простая щука?

Баба кивнула, чтобы сумасшедшая рыба от неё отцепилась и вдруг видит, несется прямо по льду её любимая печка, а на ней сидит её муж Емеля. Кстати в Емелино почти всех мужиков Емелями звали – традиция народная такая. Глаза выпучил, трясется, на ходу в одеяло заворачивается. Баба с испугу ведро выронила. Щука не дура, моментом воспользовалась, скользнула в прорубь, но не удрала, а стала наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Пока баба в себя пришла, печка вместе с мужем кругов десять вокруг неё намотала. Лед от тепла растаял, треснул и круглая льдина с прорубью по центру начала тонуть. Теперь уже баба заголосила, и рада бы попросить щуку о спасении, да не может, от страха все слова из головы вылетели, только одно «А-а-а-а-а-а-а-а-а!» и осталось. Мужику, естественно, жену стало жалко, да он и успокоился немного, пока на печке круги нарезал.

Печка, кстати, камнем под лед не пошла, а спокойненько продолжала совершать круги почета вокруг полыньи. Льдина, наконец, перевернулась, баба в воду свалилась и кричать больше не могла только булькала и собиралась помереть от

переохлаждения. Дело то было как раз под Крещение, морозы стояли лютые...

Мужик умом немного пораскинул. С одной стороны, баба ему, мягко говоря, поднадоела, а грубо выражаясь, достала своим вечным ворчанием и постоянными призывами к созидательному труду, а с другой стороны он к ней привык, и где-то в глубине души любил и своей дальнейшей жизни без неё не представлял. Поэтому сбросил с плеч одеяло и сиганул прямо с печки в ледяную воду. Вытащил бабу, которая уже синеть начала, на печку затащил и как гаркнет «Домой!». Печка послушалась. В избе, когда стал жену растирать и самогоном отпаивать, смотрит Емеля, а супруга в правой руке мертвой хваткой щуку держит, под жабры. Щука тоже уже скукоживаться начала, глазки закатила. В конце концов, жену самогоном оттерли и напоили. Щуку в ведро пустили поплавать. А что делать, об аквариумах в Емелино даже не гадавались.

Конечно, котлеты из такой ценной рыбы никто делать не стал. Надо быть конченым идиотом, чтобы на такой вандализм отважиться. Заключили с ней договор о дружбе и взаимопомощи, обратно в реку выпустили и зажили мирно и счастливо. Только скоро стали в этих местах попадаться говорящие волшебные щуки. Может рыба та икраяная была, а может болезнь это заразная, сейчас уже не понять. Правда, волшебство у них было какое-то однобокое. Что бы рыбак не загадывал – чудо-печка получалась! Но и этого было уже

не мало!

Скоро в каждом емелинском и пугачевском дворе было по одному, а у некоторых и по два самоходных агрегата. Мечтать и грабить мужикам стало некогда. Работы было невпроворот. Товар купцам в соседний город отвезти. Боярина на дальнюю заставу доставить. Конницу печенежскую шугануть – всем нужна была печка-самоходка. А сколько желающих было такую печку хотели заполучить! Толпами на берегах Смородины собирались. Стояли с удочками от истоков до устья, всю рыбу выловили вчистую! И ни одной щуки не поймали, даже не волшебной. Эти редкие рыбы только емелинским и пугачевским попадались. Почему? Секрет здесь простой. Мужик – первый печководитель был родом из Емелино, а его жена из Пугачево. Чем уж они местную ихтиофауну покорили, неизвестно, но попадались щуки только уроженцам этих деревень.

Все это поведала нам с Кейси словоохотливая печка по дороге к городу Кузькину.

Что, спрашиваете, как обыкновенная русская печка может разговаривать? А как она может ездить без колес, руля и тормозов, вас это не волнует? Когда печка в первый раз заговорила, мы чуть с неё не грохнулись. На полной скорости...

Вообще, скажу вам честно, ездить на печи гораздо комфортабельнее, чем летать на ковре-самолете. Только еще страшнее. От скорости уши закладывает и глаза слезятся. Будто это не печка, а гоночный болид Формулы-1. Да и ма-

нера езды у неё как у сумасшедшего стритрейсера. Деревья мимо мелькают, ветки у самого уха хрустят, из трубы дым валит. Выглядывать из-за неё даже не пытайтесь. Шишки, желуди свистят как пули у виска. Но зато снизу тепло. Сидеть удобно. И падать не страшно, после ковра-самолета. Высота ведь пустяковая. Вот только скорость бешенная...

Мы сначала ехали молча. Молчали потому, что Кейси говорить еще не могла, а мне не хотелось. Сидел я, ситуацию анализировал, возможные варианты событий прикидывал – но все молча. Нет, конечно, были кое, какие мысли, которые следовало обсудить с моей невестой, но пока не было сил и желания. Я привалился спиной к теплой трубе, обнял Кейси за плечи (чтобы не свалилась) и устало закрыл глаза. Тут печка и заговорила...

Голос у нее был густой, теплый, с завываниями, подвываниями и периодическим выбрасыванием сажи из щелей.

– Притомился, солдатик? – спросила она.

То, что это говорит печка, я понял сразу. Во-первых, кому еще здесь разговаривать? А во-вторых, при каждом ее слове из трубы вылетало маленькое облачко дыма. О чем разговаривать с самоходным памятником русского зодчества я не знал, поэтому решил просто промолчать.

– Чего молчишь, служивый? – унималась печка, – Оглох, что ли?

Клуб черного дыма заставил меня чихнуть.

– Не оглох, – ответил я, – устал.

– Это бывает, – согласилась печка, – ты лежи, отдыхай, не стесняйся, солдат спит – служба идет. До города дорога не близкая. А скажи, в город тебе зачем?

– По делу... – меньше всего на свете мне сейчас хотелось, болтать печкой, даже и говорящей.

– А по какому?

– По государственному. – сказал я, надеясь, что она отвяжется. Но печка не отвязалась

– А по какому? – облачко дыма приняло форму вопросительного знака.

– По важному...

– Раз по важному, значит – к князю. – вынесла вердикт любопытная печка. Но на этом не остановилась. – Князь у нас хороший. Отличный князь. Мы за ним как за каменной стеной.

– Значит кремль у вас каменный? – спросил я. И зачем я это сделал?

– Нет, – сказала печка, – деревянный. Но нам каменный и не нужен, с таким то князем...

После этого она выдала мне полную характеристику на князя Кузьму БТ-Пятого, его жену – княгиню Прелюбомудру Пухлогубую, близких и дальних родственников, рассказала родословную, перечислила все побочные ветви, включая незаконнорожденных детей, намекнула на сложные взаимоотношения Прелюбомудры с главным царским колдуном Парамоном Гнидо, поведала основные фамильные предания

и перешла к сказкам, былинам и частушкам...

Вас наверно удивляет такое странное имя – Кузьма БТ-5? Ничего в нем странного нет. Это побочный эффект здешней танкомании. Допустим, прикупил себе местный князь несколько танков и стал считать себя невероятно крутым. Гордиться страшно. Но радость неполная, если соседи не в курсе. Или в курсе, но не помнят об этом постоянно. Вот тогда князь, барон, или еще какой феодал берет и добавляет к своему имени название любимого танка. Так и появились барон Рудольф фон Шерман, герцог Клаус Гочкис, князь Всеволод Т-34 и Здравосмысл КВ-2. Всех не перечисляю, места и времени не хватит. Кузьма БТ-Пятый тоже из этой компании. Некоторые недоброжелатели смеются, а мне даже нравится. «Всеволод Т-34» – очень внушительно звучит.

– А что это спутница твоя молчит? – напомнила о себе печка. Она тебе кто? Жена, невеста, а ли как?

– Невеста. – сразу внес ясность я.

– Невеста – это хорошо. Симпатичная. – одобрила печка. – Я, за здоровые отношения. Семья – основа государства. Не как в какой-нибудь Голландии, или Швеции... Распутство одно. Я как думаю, любишь – женись! А не женишься, значит, не любишь! Да в этой самой Голландии какие печки? Видимость одна. Одно слово – баловство. Ни щи сварганить, ни пироги испечь, а как на ней лежать? Да ни как! Невозможно на ней лежать! То ли дело у нас на Родине...

У печки, видимо, был свой, как и у многих в этом ми-

ре, взгляд на проблемы семьи и брака, поэтому я спорить с ней не стал. А вот при слове «пироги» и «щи», в желудке начались голодные спазмы. Организм настойчиво требовал жрать. Кейси хорошо, она хоть ягодами перекусила...

– Слушай, печка, – спросил я, – а звать то тебя как?

– Тамара я. – ответила печка. И предвосхитив дальнейшие вопросы, добавила. – Царица была такая, может, слышал? Она своих мужиков, тех, кто особенно надоел, в пропасть бросала.

– Слышал. – подтвердил я, не замечая прямой аналогии.

– Я тоже многих мужиков сбросила. – сказала печка. – Не в пропасть, конечно, что я зверь? Кого в дерево, кого в канаву, кого в... Как получится. Молодая была, шустрая. Мало кто мог удержаться, а потом уже и связываться никто не хотел. Так и резвилась, пока на военную службу не определили... Из за излишне строптивного нрава.

Выждав некоторое время, из уважения к чувствам дамы, я спросил:

– Уважаемая Тамара, а у вас, случайно, не найдется чего-нибудь перекусить?

Хорошо, что мы держались в этот момент за трубу, иначе бы список несчастных тамариных пассажиров пополнился на двух человек. Все-таки тормоза у нее были. Печь стала как вкопанная. Из трубы вылетел гневный сноп искр, а догнавшее нас облако пыли заставило чихать и протирать запорошенные глаза.

– Это ты у кого спросил? – гневно пророкотало из трубы.

– У Вас. – откашливаясь и отплевываясь промямлил я.

– Я тридцать два раза ходила в глубокие рейды на Караван Сарай. Три раза выходила из окружения сама и выносила на себе князя со всем штабом. Плющила рыцарей пятьдесят восьмого крестового похода, вводила от границ взбесившихся клыкохвостов, секретные миссии выполняла в... Неважно где. Сам царь батюшка меня в своих указах отмечал неоднократно, именнные рога золотые подарил и ни разу при этом не просил, чтобы я готовила еду! Я боевая печь! Моё дело Родину защищать. Ты, вообще представляешь, что такое один бешенный клыкхвост? А целое стадо? Они небольшой городок вроде нашего в порошок стереть могут, и если бы не я...

– А кто же солдатам кашу варит? – обрела, наконец, очень не кстати, голос Кейси.

– Кухня полевая – дура безмозглая! – ответила Тамара. – Это её обязанность. Она только на это и способна – клуша тыловая. Мозгов нет, а мужики к ней так и льнут...

– А как же в сказках пишут: «Встретили дети печку и говорят: Спаси нас милая от гусей-лебедей кровожадных. Спрячь поскорее. А печка им и отвечает, сначала скушайте моих пирожков, а то у меня кризис производства. Готовую продукцию девать некуда. Поели быстро дети пирожков вкусных и спрятала их печка внутри себя». – упорно продолжала гнуть свое Кейси.

– Ты бы лучше дальше молчала! – огрызнулась печка. – Не

зря говорят женщина на борту к несчастью. В сказках врут часто. Я бы этих гусей лебедей одним залпом... и никаких пирожков! Мы – боевые печки про это и думать забыли. Не время калачи печь, когда Родина в опасности!

– Кстати, о Родине, – сказал я окончательно утратив надежду перекусить, – она по прежнему в опасности.

Печка рванула с места без предупреждения.

Глава 4

Некоторое время мы ехали молча, слушая лишь свист ветра и визг перепуганных реликтовых белок. Вспомнив о находящейся в опасности Родине, и не отвлекаясь больше на посторонние разговоры, Тамара вдавила газ в пол. (Если только у неё есть педаль газа) Жаль, никто её не додумался оборудовать спидометром, а может, это и к счастью?

После очередного крутого виража у меня появилось устойчивое подозрение, что мы можем так никогда и не увидеть Кузьму БТ – Пятого. Вернее он нас, скорее всего, увидит – на наших похоронах, а мы его уже нет. Надо было срочно принимать меры по спасению собственных драгоценных жизней. Увы, господа, я знал только один способ заставить сумасшедшую печку снизить скорость. Стараясь перекричать свист ветра, я проорал как можно вежливее:

– Скажите, уважаемая Тамара, вы Кудесника, давно знаете?

– Что это ты мне выкать вздумал? – сказала печка, не снижая скорости. – Ты эти господские штучки брось. Не люблю! Чай не дворяне. А Кудесника давно знаю. Меня как под Царьградом контузило, так к нему и определили, на реабилитационный период.

– Под Царьградом?

– Под ним, будь он трижды не ладен. – подтвердила Тамара, – Щит князю везла. На ворота прибить.

– Противотанковым долбануло? – участливо спросил я.

– Нет, воротина одна оторвалась, и прямо на меня. Тяжеленная зараза. Щиты на ней в три слоя уже были набиты. Ведь каждый князь, даже самый зачуханный, считает своим долгом... Вот петли и не выдержали... Меня тогда по кирпичикам собирали. Хотели комиссовать в чистую. Еле князя упростила на гражданку не списывать. Признали временно негодной к службе в строевых частях и направили к Кудеснику, для оказания помощи и осуществления оперативного прикрытия. А то у него из охраны один ящер и тот лоботряс тупой.

– Не понимаю, чего он в этой глуши сидит? – продолжал я, заметив, что печка скорость немного сбросила. – Кому там будущее предсказывать – медведям? Так они и сами свое будущее неплохо знают... Или он втихаря бутлегерством занимается?

– Чем? – Не поняла Тамара.

– Ну, самогон гонит, подальше от княжеских глаз.

– Много ты понимаешь! – возразила печка, – Не самогон он гонит. И кто тебе сказал, что Кудесник будущее должен предсказывать?

– Пушкин. – честно ответил я. Печка на ходу аж подпрыгнула.

– Опять он! – из трубы вылетел целый сноп возмущенных

искр. – С чего ты взял, что арап знает, для чего нужны русские Кудесники?! Это все Арина, будь она не ладна.

– А ты ксенофобка, – сказал я, – в смысле чужих не любишь. А ведь не знаешь Александр Сергеевич самый настоящий русский. А что касается арабской крови, да у нас любого копни...

– Эти пришлые нам всю историю переврали! – продолжала гнуть свое печка. – Все испохабили, сволочи! Ты знаешь, кто такой Кудесник? Кудесник первый рубеж обороны, неподкупный щит Родины!

Честно говоря, мужик в ватнике и линиялой тельняшке плохо вязался с образом щита Родины, хотя, если задуматься, именно такие мужики и были всегда не только самым надежным, верным, но ПОСЛЕДНИМ рубежом обороны.

– Так вот слушай, и запоминай. Кудесник на самом деле и не должен предсказывать будущее, он для другого поставлен... – и возмущенная Тамара поведала нам потрясающую историю...

Вы, наверное, уже давно хотите спросить: «А как же это вы умудряетесь осуществлять контакт с неодушевленным предметом, лишенным речевого аппарата, да еще и на такой большой скорости?».

С радостью отвечу на ваш совершенно справедливый вопрос. Во-первых, печка бесшумное транспортное средство. Т.е. мотора у неё нет, реветь не чему, поэтому и перекрикивать его не надо, но надо постараться переорать ветер.

Во-вторых, непонятно, чем печка слышит, и видит, кстати тоже. Ушей, глаз и других органов чувств я не заметил. Поэтому и орать никуда конкретно не надо. Мне кажется, она слышит всей поверхностью кирпичной кладки.

И, в-третьих, шкурой чувствую, без колдовства и телепатии здесь не обошлось. Если серьезно задуматься, ни один даже хитроумно сложенный дымоход, не может так имитировать человеческую речь. Так что здесь непаханое поле загадок для лингвистов, фольклористов и печников.

Но вернемся к Кудеснику. Словоохотливая, соскучившаяся по общению и свежим ушам Тамара выложила нам почти все. И как она только в армии служила, с такой болтливостью? Или это последствия контузии?

Из былин, сказок и других произведений устного народного творчества известно, что до появления регулярных частей пограничной стражи, колючей проволоки, контрольно-следовых полос, дрессированных пограничных собак типа «Джультарс» и «Мухтар», истошно воющей среди ночи электронной сигнализации и великого и ужасного Дня Пограничника, охраной рубежей Родины занимались, так называемые «заставы богатырские». А проще говоря, блокпосты на торговых путях и конные разъезды добрых молодцев, справедливо считавших себя спасителями Земли Русской и мечтающих о славе великой и доблести воинской, а также о дальнейшем продвижении по карьерной лестнице. И справедливости ради надо сказать, что со своими обязанностями

они справлялись неплохо. Гоняли по степи хазар, весело травили монголов, до смерти пугали печенегов, влет били решивших похулиганить в русских землях голодных драконов и вышедших из повиновения Змеев Горынычей, отлавливали не подписавших Конвенцию злых темных колдунов, иногда жгли, исключительно для профилактики, замки копье-носцев, меченосцев, факелосцев и разных других носцев, ловили шпионов и диверсантов, целовали впавших в здоровый летаргический сон принцесс. Даже джинны по непонятной причине не рисковали пересекать русскую границу.

Но нельзя же такое важное государственное дело пускать на самотек? Лишенное неусыпного княжеского надзора, оно могло повернуться неизвестно каким боком. Для этого к каждой богатырской заставе и был прикреплен Кудесник, если говорить по прямо и честно – в качестве замполита. С задачей разъяснять политику князя и царя-батюшки, пресекать случаи дедовщины, попытки спонтанных грабежей и поборов проезжих купцов (мы мзду не берем, мы за державу радеем!), залечивать раны, заговаривать от болезней и хвороб, отводить дурной глаз, осуществлять связь с верховным командованием, определять приоритеты, ставить боевые задачи. И главное – Варить Зелье...

Да, все Кудесники, без исключения, варили Зелье. В наше просвещенное цивилизованное время оно называется допингом, нейромышечным стимулятором, препаратом, значительно повышающим возможности организма, чудо-таб-

леткой спецназа, но по сути, то всегда остается Зельем.

Вот скажите, может ли нормальный человек, пусть даже богатырь, забыв дома, с бодуна, любимый меч-кладенец, встретив в чистом поле толпу врагов, моментально сориентироваться, схватить самого упитанного за ноги и крушить им недругов до полного уничтожения, а потом, даже не утерев пот с лица, ехать в стольный град к князю и требовать выплаты зарплаты задержанной за последние пять лет?

А выжимать голыми руками воду из камня, загонять врагов поганых одним ударом по плечи в сырую (именно в сырую, с сухую враги идут плохо – ломаются) землю и таскать на плечах боевых коней – это **НОРМАЛЬНЫЙ** человек может? Правильно, не может. Но должен такие фокусы вытворять на страх врагам и соседям на зависть, раз в богатыри записался. Причем без всяких спецэффектов – по-честному. Должен, ясен пень, но не может.

И вот перед генеральным сражением, кровавой битвой с ворогом многочисленным, подходит к богатырю Кудесник и протягивает золотой кубок, древними мастерами кованный. Богатырь кланяется в пояс, осушает кубок залпом, соленым огурчиком закусывает, рукавом кольчуги занюхивает, крикает по-молодецки, берет в руки любимую булаву и все – хана вражинам коварным. Именно отсюда ведет свои корни неувядающая традиция наливать перед боем фронтовые сто грамм. А откуда ж еще?

В каждой стране маги, друиды, шаманы и жрецы варили

свое тайное зелье, что приводило к неизбежной гонке магических технологий. Каждый искал свои самые чудодейственные ингредиенты. Кто грибочки галлюциногенные пользовал, кто жир тюленя, этими грибами накормленного, кто ягоды ядовитые на отвесных скалах произрастающие, кто змеюк маринованных в собственном соку – короче говоря, изощрялся каждый как мог. И только русские Кудесники никогда особо по этому поводу ничего не выдумывали. Потому что у них самым главным ингредиентом зелья был чистый девяностоградусный этиловый спирт.

Говорят, этот рецепт случайно открыл в незапамятные стародавние времена знаменитый маг и алхимик древности старец Бутылий Трезвенник. Открыл, опробовал, испытал сначала на себе, потом на учениках, потом снова на себе, потом ученики попросили провести повторные испытания...

Через полгода старец пришел в себя, со слезами на глазах (своих и учеников), уничтожил первый в мире самогонный аппарат, и чтобы навсегда побороть пагубную страсть удалился в дремучие и глухие (как он думал) Муромские леса, где и встретил главного княжеского колдуна былинного Сидора Нетудыхатку. Сидор как раз находился в творческом поиске, пытаясь синтезировать мощный отечественный афродизиак (простите, анаболик) из обыкновенной поганки бледной, толченого ядовитого жала гигантского паука-слонолова, сушеного хвоста лысого дракона-альбиноса и еще двухсот пятидесяти менее значительных ингредиентов. Но

тут с колдуном случился так называемый магический затык. Он никак не мог найти жидкость, подходящую для растворения этих ингредиентов. Но, как говорится два ученых человека всегда найдут общий язык.

Услышав о проблеме Сидора, Бутылий зарыдал от досады, поняв, что он своими руками уничтожил, так необходимую собрату по профессии жидкость. Один из учеников (имя его история не сохранила) не в силах лицезреть рыдающего учителя, стыдливо вытащил из-за пазухи бутыл с сохраненной вопреки воле учителя огненной водой. Но на этом дело не остановилось. Каждый, я повторяю, каждый ученик вытащил по точно такой посудине, а некоторые и по две! Бутылий не знал, что ему делать – радоваться, или гневаться, превращая учеников в различные виды земноводных.

Пока все изображали немую сцену, Сидор тихонько взял одну бутыл из рук замершего ученика, сделал большой глоток и радостно заорал «Эврика!». И никакого Архимеда в этом момент рядом не было!

Так был изобретен рецепт чудодейственного эликсира Русских Кудесников. С тех стародавних пор и повелось: стоит застава богатырская, терем деревянный высоким тыном огороженный, а неподалеку, сторожка Кудесника, вместе с лабазом, где он зелье свое чудодейственное готовит и витязей в нужный момент поит, во славу царя-батюшки и на пользу Родины-матушки...

Глава 5

Рассказывая эту потрясающую историю, печка снизила скорость до более или менее допустимой и можно было, наконец, разжать пальцы и отпустить трубу.

А что, подумал я, ведь совсем неплохая идея. Построить на границе сеть небольших самогонных заводиков и организовать на них бесперебойное производство чистого этилового (Никаких метиловых суррогатов! А вдруг свои выпить захотят?) спирта. Как только коварный враг границу пересечет, неизбежно на один из них наткнется. Естественно, захочет отметить победоносное начало военной компании и все-хана... Через пару часов захватчики пьяны, бьют друг друга морды, выясняют кто из них кого больше уважает, вспоминают былые обиды, рубят друг друга в капусту и полностью теряют боеспособность. Для полной и безоговорочной победы надо только прийти и повязать их всех тепленькими. Остается открытым только один вопрос – где взять столько страдающих алкоголизмом врагов?

Устало катившееся к горизонту вечернее солнце, высекло золотые искры из печкиных рогов.

– И много вас, таких, сейчас на службе его Величества царя-батюшки? – спросил я, не только для поддержания разговора, но и из научного интереса. Я, вообще нигде, кроме

сказок, о самоходных печках не читал. И самое главное, ничего не знал об их военном применении.

– Да уж и не осталось почти никого. – печка тяжело вздохнула, выбросив из трубы клуб полного светлой грусти дыма.

– В бою погибли? – осторожно спросил я.

– Нет, – ответила печка, выбросив еще одно печальное облако. – Не нужны мы стали Родине, не нужны. Из-за вас, пришлых – между прочим.

– Мы-то здесь причем? – не поняла Кейси.

– Вы, лично, может не при чем, а чудовища ваши железные, танками называемые, очень даже причем, будь они трижды не ладны! – печка гневно выбросила в небо сноп искр и даже подпрыгнула от возмущения.

Мне кажется, она собралась от нахлынувшей обиды нас сбросить, но, вспомнив о находящейся в опасности Родине, передумала.

– Танк, он, конечно, лучше, – продолжила она, – надежнее. Он железный! Как против железа попрешь? Да никак! Что я против снаряда бронебойного? Он, таких, как я, навывлет прошивает! Дырки с большой горшок делает, а то и во все в щебенку...

– А если защитный амулет прицепить, или магический экран, типа «Возвращайся туда, где был – скотина» поставить? – спросила Кейси.

– А если снаряд сам заговоренный, антимагический? И плевать хотел на все ваши экраны? – справедливо возразила

печка. И услышав в ответ наше молчание, добавила. – Вот то-то. На меня даже пушку не поставишь – труба мешает. Не задом же наперед ездить, что я рак какой подводный... В первом же бою знаешь сколько наших полегло, в смысле, пошло на кирпичи? – Печка вздохнула. Вот тогда всех, кто цел остался, и списали в резерв.

– Тебе-то, чего переживать, – сказал я, – хоть из армии уволена – на важной государевой службе состоишь. А товарки твои боевые без дела пылятся, щи варят, и пироги пеку, паутиной тихонько обрастают, да о ратных подвигах тоскуют!.

При упоминании о щах и пирогах, печка снова выбросила сноп искр и подпрыгнула. «Спалит лес к чертовой матери!», подумал я.

– Никакой паутиной они не обрастают! – полыхнула жаром печка, – И ни о каких подвигах не тоскуют! Живут полной жизнью... Риск, скорость, ветер в трубе свистит...

– В каком смысле? – не понял я.

– Да в прямом! – с плохо скрываемым раздражением лягнула заслонкой Тамара. – Гонщицы они теперь! Царицы русских дорог!

– Русских дорог? – переспросил я.

– Именно! – воскликнула печка. – Про «Русскую Беду номер один» слышал?

– Русскую Беду? Номер один? – Где-то на задворках моего сознания, зажегся прожектор, освещая завалы ненужных,

полузабытых сведений, почерпнутых неизвестно где и неизвестно зачем. Что-то знакомое блеснуло в этой куче ненужного хлама. – Это вроде как гонки... На чем?...

– Это не гонки на чем то... Это знаменитые гонки русских печек по бездорожью. – с гордостью сообщила Тамара.

Я, вообще то, думал, что «Русская беда номер один» это гонки на санях, но без снега. Проводятся они обычно в первых числах мая на день Карбонария Отмороженного. В честь окончательной победы весны, труда и счастливого отморожения всех примороженных за зиму. Тогда мужики берут мамонтов, а если те попрятались, гигантских овцебыков, а если и те попрятались (нет, вы про это зря подумали, запрягать шерстистых носорогов – издеваться над гордыми животными), то владимирских тяжеловозов в сани и гоняют на них по столбовому государеву тракту до полного... протрезвления. Так что такое название гонок вполне себя оправдывает.

Каждый знает, что у нас, в России, две вечных беды, они даже пронумерованы: номер один и номер два. Эти две верных подруги, как известно, одна без другой никуда не ходят и друг без друга ни на шаг. Об этом любопытном национальном явлении даже в песне поется.

– Тамара, а можно об этих гонках поподробнее? – спросил я.

– Конечно можно! – обрадовалась словоохотливая печка. После того как княжеские и царские воеводы убедились в бесперспективности использования самодвижущихся тепло-

вых агрегатов против бронированной гусеничной техники, все уцелевшие печки были отправлены в запас. Но это говоря сухим языком княжеских грамот, а на самом деле их раздали по избам, приспособили для перевозки воды и дров, а особо строптивых заперли по лабазам – до надобности. Так бы и стояли боевые печи по избам, вспоминая минувшие битвы, как вдруг внезапно на реке Смородине обнаружилась новая напасть.

Емелино-Пугачевские мужики лишённого верного заработка и обычной дозы адреналина в крови, сначала с горя запили, а потом с перепою взбунтовались. Их снова потянуло на Большую Дорогу, захотелось острых ощущений, ну и денег, естественно тоже. А как без них? Жен, детишек малых кормить надо, шубы, серьги, кольца и браслеты покупать надо, избы чинить надо, а денег где на это взять?

Короче говоря, когда власти спохватились, пара купеческих караванов как в воду канула. Царь с боярами возмутился, издал указ о строжайшем запрете дорожных грабежей и отправил роту стрельцов для выявления бунтовщиков и усмирения холопов. Но не тут то было! Стрельцы шли усмирять пару деревенок, а наткнулись на два мощных укрепрайона построенных по всем правилам фортификационного искусства. У стрельцов не было мандата на проведение полномасштабных военных действий на своей территории, да и умирать в расцвете лет тоже не хотелось, поэтому их командир принял соломонино решение – стать лагерем на берегу

речки Смородины, и дать возможность событиям развиваться самостоятельно. В народе это сразу окрестили стоянием на реке Смородине.

И неизвестно чем бы все это кончилось, если бы в это время в Емелино, а потом и в Пугачево, не взирая на осадное положение, не завернула кинопередвижка с новым голливудским блокбастером «Форсаж -24». Как говориться «Война – войной, а без зрелищ хлеб не нужен». Дальше, как вы уже догадались, волшебная сила искусства сильно стукнула в голову местным горячим мужикам. Глаза у них загорелись, руки зачесались... Через день после просмотра фильма в деревнях начались пробные заезды на застоявшихся без дела печках и организация банд, простите я хотел сказать команд. Через неделю стали строить первую гоночную трассу с трибунами для стрелцов и отдельной ложей для царя-батюшки, а через полгода это уже было полновесное гоночное шоу, с командами, звездами, фанатами и бешеными бабками. Бабки старались вовсю, на пит стопах подбрасывали в печку дрова, забеливали свежие царапины и подносили чарку усталым гонщикам. Дело в том, что по правилам гонок, печки без пилота в гонках участвовать не могли! И это правильно – где вы видели на трассе гоночный болид без водителя, или лошадь без наездника?

Жизнь в деревнях сразу наладилась. Тотализатор приносил такие сумасшедшие барыши, что на Большую Дорогу уже никто и не думал ходить (были дела и по важней), куп-

цы сами сюда заворачивали и случалось, проигрывались вчистую (в одних подштанниках домой уходили). Боярская дума несколько раз поднимала вопрос о договорных заездах, но каждый раз все глохло на этапе предварительных слушаний.

– Ты можешь себе представить, – возмущалась Тамара, – там такие дела творятся, а я здесь, в этом лесу! Я, обладательница Голубой ленты реки Смородины, самая быстрая печка современности, и не у дел!

– А в чем проблема? – спросил я.

– Отпускать не хочет Кудесник. – ответила Тамара. – Твердит, что привык ко мне, да и на ящера его надежды мало. Одно слово – рептилия. И к тому же говорит, что чувствует, как приближаются великие события. Такие великие, что мне экстрима на всю оставшуюся жизнь хватит! В воздухе, говорит, пахнет грозой! Поэтому и не отпускает...

– А ты бы отгул взяла или отпуск, пока не началось, – посоветовал я, – и сгоняла бы в свое Емелино, душу отвести.

– Сгонять, конечно, можно, – согласилась печка, ловко объезжая, вышедшего на дорогу здорового панцирного лося, – но у меня этого... пилота нет.

– Что нехватка квалифицированных кадров? – спросил я.

– Нет, кадров хватает, даже с избытком. Просто все по старой памяти не то, что ездить, подходить ко мне боятся...

Мне послышалось, или в её голосе на самом деле прозвучали стыдливые нотки?

– Нам без пилотов нельзя. – вздохнула Тамара, – Не знаю,

кто это придумал. Может та щука, может еще кто, теперь не ведомо, но без водителя никуда. Так, мелкое поручение выполнить еще можно, а серьезное дело – нет.

– Но ты же нас сейчас везешь? – спросила Кейси.

– Не я везу, – ответила печка, – вы на мне едете, а я просто дорогу знаю. Кстати, солдатик, – вдруг сказала она, – тебе, когда ты выполнишь свое важное поручение, наверное, отпуск положен?

– Наверное... положен. – ответил я, обалдев от такой неожиданной перспективы.

– А раз положен, может, смотаешься со мной в Емелино, на пару деньков? В счет оплаты за проезд? – осторожно спросила Тамара. – Скорость ты хорошо переносишь, вестибулярный аппарат в норме, да и сам ты парень ничего... А места у нас такие... Рыбалка... Рыба сама в сети лезет! А охота... А дев... – но, вспомнив о Кейси, последнее предложение она заканчивать не стала.

От такой перспективы я просто обалдел. Участвовать в деревенских гонках мне совсем не улыбалось, но с другой стороны, Тамару было жалко... Кейси строила мне страшные глаза и исподтишка грозила кулаком.

– Ладно, – сказал я, – смотаемся, но ненадолго. И Кейси с собой возьмем.

– Слово даешь? – не поверила своему счастью Тамара.

– Слово рыцаря! – заверил я.

– Рыцаря?

– Рыцаря, рыцаря... – я усиленно закивал головой.

Зря я это сказал, зря. Обрадованная Тамара рванула вперед со скоростью болида «Формулы – 1», заставив меня пожалеть о легкомысленном согласии, стать пилотом такой сумасшедшей печки.

Лес становился все гуще и дремучей. Покрытые мхами и лишайниками толстенные стволы и корявые ветки почти не пропускали свет садящегося вечернего солнца и так сплелись между собой, что непонятно, как здесь не то что ездят, а просто ходят. Но Тамара пробиравлась, причем, не снижая скорости! Деревья перед ней расступались, образуя не коридор – туннель и тут же, с треском смыкались за нашей спиной.

Мы с Кейси просто впечатались в печку и прикрыли головы руками. Не ровен час, какой-нибудь корявый сук не успеет увернуться... А я не хочу быть похожим на Кутузова или адмирала Нельсона. И эта предосторожность была не напрасной. Несколько веток обломались о трубу, а одно замешкавшееся корявое дерево Тамара сшибла своими золотыми рогами. Я представил, как его обидевшиеся собратья, перестанут уступать нам дорогу, и подумал, что сейчас самое безопасное место на этом бешеном транспортном средстве – внутри, за тяжелой заслонкой. И тут лес кончился.

Глава 6

Вот скажите, как, по вашему мнению, должен выглядеть западный форпост русского царства-государства? Пусть слегка феодально-раздробленного, но большого и достаточно богатого, на которое имеют далеко идущие виды многочисленные враги и тайные недоброжелатели, вокруг внешней политики, которого плетутся такие хитроумные интриги, что у многочисленных летописцев дух захватывает и развивается хроническая мания преследования и неизлечимая боязнь темноты. (А вы думали, откуда взялась поговорка «днем с огнем»? Вот то-то, они патологически боялись не то, что темноты, от собственной тени шарахались!)

Думаете, западный рубеж, представляет собой неприступную каменную крепость, с глубокими рвами полными голодных плезиозавров и крокодилов, с наштапованными новейшими артиллерийскими системами фортами, дотами и дзотами один вид которых заставлял врага задуматься о тщетности всего сущего? Какое там!

Раскинувшийся перед нами городок со странным названием «Кузькин» был способен вызвать только мысли о бесполезности обороны этого действующего памятника древнерусского зодчества. Застывшая на высоком холме старая, посеревшая от времени, бревенчатая крепость давно уже

(очень давно) нуждалась в капитальном ремонте. На слегка покосившемся шпиле княжеского терема сидел нахохлившийся петух. Его перья в лучах заходящего солнца тускло отливали золотом. И только голубой, слегка облезший купол небольшой деревянной церквушки намекал, что для нарождающейся лакокрасочной промышленности здесь еще не все потеряно. Вокруг стен крепости, вместо неприступных бастионов и грозных форт в живописном беспорядке расположились такие же серые избы, лабазы, амбары, сараи и другие хозяйственные постройки неизвестного мне назначения. В вечернем небе, на фоне лениво выползающей из-за горизонта луны весело кувыркались два самолетика, отрабатывая противодраконьи развороты и маневры уклонения от высотных шаровых молний. Звук моторов гармонично вплетался в остервенелые рулады сверчков и сладкоголосое пение только что проснувшихся цикад.

Вся эта пасторальная картинка и архитектурная анархия отражалась в водах довольно большого озера. Озеро с видимым удовольствием транслировало патриахально-живописный пейзаж всем желающим, даже не пытаясь спрятать её под клубами вечерней дымки. Лишь временами всплески крупной рыбы портили идеальное водное зеркало. Но, на мой взгляд, это только дополняло пасторали особого шарма.

Тамаре на все эти пейзажи было глубоко наплевать. Пока мы с Кейси, как зачарованные любовались неброской красой средней полосы России, печка не снижая скорости подлетела

к крепостным воротам, таким же старым и антикварным как и все строение и со всей дури долбанула в них рогами. От треска и грохота громко закаркала стоя дремавших на башне ворон, проснулся дежурный караул и посыпалась нам на головы деревянная труха.

Над воротами вспыхнул фонарь, а из бойницы угрожающе высунулось дуло. К моему удивлению, это был пулемет, а не какая-нибудь, более соответствующая архитектурному стилю, пищаль или аркебуза.

– Чего ломишься на охраняемый объект! – грубо заорали со стены, нервно клацнув затвором. – Жить надоело? Если надоело, тогда, стукни еще разок!

– Это тебе жить надоело, дармоеду! – гневно прогрехотала печка. – Я тебе сейчас так стукну! Отворяй ворота! Или ослеп?

– Не ослеп. Вижу. – сурово сказали со стены, не снимая нас с мушки. – Но не пущу. А вдруг ты засланная, в смысле – с проверкой? Я тебя пущу, а меня хлоп и в острог, за утерю бдительности. Ты пароль скажи сначала...

– Словом, по делу! – раздраженно прогремела заслонкой печка.

– Делом по слову! – не особо охотно ответили со стены и открыли ворота.

Мне кажется, Тамара в тайне надеялась, что их не откроют. Во всяком случае, она так резво рванула с места, что замешкайся часовые на секунду, все – им пришлось бы потра-

тится на новые ворота. А с печи, какой спрос? Во первых – она печка, а во вторых – печка, спешащая по важному государственному делу.

Попав за крепостную стену, Тамара уверенно взяла курс на княжеский терем. Мы, с Кейси, на скорую руку, попытались привести себя в порядок. Как-никак к князю на прием едем. А князь – это старший командный состав, только средневековый, право человека на жизнь и свободу, толкующий по своему усмотрению. Поэтому во избежание неприятностей следовало предстать перед его ясные очи не бомжеватыми оборванцами, а доблестными воинами, героически вырвавшимися из лап кровожадных врагов.

Ужасно захотелось жрать, тем более, что мы как раз проезжали мимо большой избы с криво намалеванной вывеской: «Трактир. Солнце и сало». Да, специалистам по рекламе здесь было, где приложить руки...

На пороге заведения, сыто отдуваясь и выковыривая из бороды кислую капусту, стояли два упитанных, слегка пьяненьких мужика. Один, без особого любопытства оглядел наш экипаж (эка невидаль – самоходная печка с двумя оборванцами на полатах) и спросил у своего собутыльника:

– А как ты думаешь, друг – Василий, доползет эта развальяха до столицы?

– Доползет, чего ей не доползти... – ответил Василий, бросив мимолетный взгляд на Тамару.

– А до Царьграда доползет? – не унимался любознатель-

ный мужик.

– До Царьграда? Может туда и доползет. А обратно. Точно нет. Она на вид только крепкая, – развивал свою мысль Василий, – но если присмотреться, пробег у нее дай бог каждому, и труба криво сложена. Капремонт, тяп-ляп делали, для отвода глаз

В недрах Тамары что-то глухо загудело, и я ощутил себя тараканом, задремавшим на пошедшем в разнос ядерном реакторе.

– До Царьграда дойдет, но там точно загнется и то, если пойдет без нагрузки. – со знанием дела подвел итог Василий вытирая о белый фартук перемазанные в муке руки.

– А до Карфагену? – не унимался его собеседник.

– До Карфагену? – перемазанный мукой мужик задумался, – навряд ли, Там сейчас – он стал загибать пальцы, – семьдесят шестая Пуническая война, с участием приглашенных персидских легионеров. А климат в этой Африке какой? А ландшафт? Жара страшная! Горы – вот такой вышины, реки – вот такой ширины. А ассасины вперемежку с крестоносцами одичавшими... Одним словом, ей там прямая дорога – в щебенъ.

По всем законам жанра мне следовало слезть с коня, пардон – с печки, и набить морду наглецу, позволившему так нагло насмехаться над моим транспортным средством. Типа: «Кто смеется над конем, тот смеется над всадником. Извольте сударь написать завещание, я наделаю в вас много сквоз-

ных отверстий...». Но Тамара предвосхитила мои желания.

– Кого в щебень? – прогрохотала она. – Кто до Карфагена не дойдет? А до Царьграда только порожняком? Да я щиты на царьградские ворота лично прибивала! Сейчас покажу как! Щебня хотите? Будет вам щебень, и кубометры леса сушеного тоже будут!

Говоря это, Тамара развернулась, и замерла прямо напротив новеньких ворот, изрыгая из трубы пламя и угрожающе рыча.

Мужик, почувствовав недоброе, занервничали.

– Эй парень! – крикнул один. – уйми свою – эту. Будь другом. Мы же пошутили. Мы не шаромыжники городские, а ветераны заслуженные, только ворота новые справили. Вышли поболтать, после трудов праведных, посмотреть, может к нам какого знакомого дружинника занесет. Ветер вроде попутный... с озера. Тем более у нас в Кузькине девки больно хороши и если он случайно не женат...

– Будет вам попутный ветер и дружинник знакомый и не один, а целый засадный полк. Все придут память боевых товарищей почтить... – зловеще лязгнула заслонкой Тамара.

– А ты откуда про Засадный полк знаешь? – спросил посыпанный мукой мужик, явно ища глазами, куда спрятаться.

– Идиот! – прошипел второй, – И как мы её сразу не узнали?

Дальнейшие события помню урывками, так все силы бросил на выполнение одной единственной задачи – любой це-

ной удержаться на печке и не грохнуться вниз, прямо под собственное взбесившиеся транспортное средство.

Почувяв недоброе, мужики молниеносно слетели с крыльца и скрылись за массивными дубовыми воротами, которые (в этом я даже не сомневался) легко могли выдержать таранный удар не только психически неуравновешенной Тамары, но и натиск легкого танка. Как я сильно заблуждался! Радостно заревев пароходным гудком (Откуда он взялся? Ума не приложу!), Тамара играючи снесла ворота вместе со столбами. Толстенные дубовые воротины бабочкой вспорхнули в вечернее небо и с грохотом рухнули, где-то вдалеке. Вслед за воротами разрушениям подверглись и другие памятники древнерусского зодчества: лабазы, сараи, собачьи будки (одна здоровенная псина возмущенная потерей жилой площади, долго гналась за нами, стараясь укусить за ручку заслонки), деревянные сортиры с резными наличниками и даже одна голубятня. Одним словом, все строения, где пытались спрятаться два несчастных мужика, опрометчиво решивших порассуждать о ходовых качествах русских печек в суровых условиях африканского климата.

Не знаю, сколько часов могла бы продолжаться погоня, и уцелел бы в результате ее город, но тут еще одни ворота с треском разлетелись в щепки и мы внезапно оказались прямо перед крыльцом княжеского терема. Оба беглеца, чуть не сбив с ног выведшего на шум князя, юркнули внутрь. Тамара притормозила, явно пытаясь рассчитать силу удара и ско-

рость броска.

– Ну вот, – сказал я, выплевывая изо рта щепки и жуков-короедов, теперь нас еще обвинят в покушении на законную власть и попытке государственного переворота...

Глава 7

Князь Кузьма – БТ-5 оказался начисто лишенным романтического ореола обычным мужчиной средних лет. Думаю, что Тамарин рейд по задним дворам оторвал его от ужина. В одной руке он крепко сжимал надкушенную куриную ногу, а в другой стариной работы изогнутую вилку. Спрашивается, зачем нужна вилка, если ешь курицу руками? Эх, сколько еще тайн хранит загадочная русская душа!

Под тяжелым взглядом князя Тамара передумала штурмовать терем и сбросила пары. Увидев это, выскочившие на крыльцо добры-молодцы с видимым облегчением опустили автоматы и гранатомет. А два несчастных посетителя трактира бухнулись перед князем на колени.

– Не вели казнить князь-батюшка! – синхронно заголосили они. – Вели слово молвить. – и, не дождавшись разрешения, продолжили, – Не виноватые мы! Она сама наехала.

Князь выдержал длинную паузу, откусил кусок курицы, и внимательно оглядел картину разрушений. А посмотреть было на что. Там где прошла Тамара, стихийно образовалась новая улица. Или переулок, это кому как нравится. В небе кружили потревоженные голуби и вороны, на земле лаяли собаки, кудахтали возмущенные куры и мычали, ожидающие вечерней дойки, коровы. Пахло навозом, пылью и раздавлен-

ными жуками-короедами. Князь подозвал выглянувшего из двери мальчишку и приказал:

– Ванька, смотайся пулей к отцу Федору, и скажи ему, что в набат бить не надо и ополчение собирать тоже. Скажи – это не набсурманы коварные напали, а свои... – алкаши.

– Не алкаши мы, князь-батюшка! – снова заголосили мужики. – Мы честные первой гильдии купцы, ветераны, в боях и сражениях проверенные...

– Кому князь-батюшка, а кому и Ваша Светлость! – оборвал их причитания князь. – Когда ж вы пить по нормальному научитесь – ироды?! Как пьянка, так сразу дебош и разрушения. Ну, понимаю, все выпить любят, но по-человечески, а вы... Дружественный визит в Александрийскую библиотеку, для повышения культурного уровня и с разведывательными целями организованный помните? И где теперь эта библиотека?

Мужики, потупившись, замолчали, а князь продолжил:

– Кому в голову взбрело ночью читать тайные протоколы сионских мудрецов? Да еще и при свечах? Кто вам их днем читать не давал?

– Дык, ведь высший уровень секретности... – протянул вымазанный мукой купец.

– А Александрийский маяк? Он кому мешал? – спросил князь.

– Это мы, чтобы погоню отсечь. Когда библиотека загорелась, надо было смываться. Быстро. – начал оправдываться

второй купец, – Вот и пришлось его немного подтолкнуть, чтобы следы замести. И чтобы никто не знал куда плыть – в потемках. Сами же тогда сказали – действуйте по обстановке, Ваша Светлость...

– Мало ли что я тогда сказал, спьяну, – смутился князь. – И потом, то была не наша территория. И водка тоже была не наша – паленая. Вот в голову ишибанула. А сейчас? У нас что, война гражданская началась? Так я смутьянов по законам военного времени...

Мужики аж посерели от страха:

– Не виноватые мы. Это все она...

Князь посмотрел на Тамару и сурово свел брови.

– А ЭТА что здесь делает? – спросил он очень не хорошим тоном. – Кто её в город пустил? Шкуру с караула спущу... Мой специальный приказ разве не читали?

Увидев, что дело принимает серьёзный оборот, мы с Кейси вылезли из под обломков резного сортира, спрыгнули с широкой Тамариной спины и вытянулись по стойке смирно.

– А это еще кто? – продолжил задавать вопросы князь, – Лазутчики вражеские? Неужели ты, Тамара на старости лет, к врагам решила переметнуться? Так я вас всех троих – разом...

– Да разве так лазутчики в город входят? – совершенно спокойно ответила Тамара, – Они тем подземным ходом, что под старой дозорной башней прокопан пользуются. По тихому, без шума и пыли. А так в наглую... Видно ты князь чутье

теряешь...

– Подземный ход я еще почти полгода назад засыпал! – возразил Кузьма. – А нюх, по – моему, ты теряешь. Сейчас прикажу пустить твой кирпич на восстановление уничтоженной недвижимости... А этих двоих в пыточную...

В пыточную, пусть даже и русскую мне не хотелось. Я уже собрался сказать пару слов в свое оправдание, но печка меня опять опередила.

– Валяй, князь – спокойно сказала она, – на кирпич, на щепень, в пыточную, да хоть на обкладку сортиров. Только кто после этого с тобой завтра в бой пойдет, когда узнает, как ты со старыми боевыми товарищами обращаешься? Да и Кудесник будет ОЧЕНЬ недоволен. Зря, что ли он меня в такой напряженный момент к тебе отправил, а сам один одинешенек только со своей зверюгой полоумной остался?

– Как один одинёшенек? – спросил князь, – А семь богатырей? Они куда делись?

– Ночью ушли в дозор и – все, как волной смыло. – сказала Тамара.

– И давно? – насторожился Кузьма.

– Третий день. – ответила печка.

– Искали хорошо? – продолжал допытываться князь.

– Хорошо. Румпеля по следу пускали.

– И что?

– И ничего. Скулит и к ногам жметя. Какие тут следы... – совсем тихо сказала печка.

– Говорил я ему, – зло обронил Кузьма, – зачем тебе этот ящер? Возьми лучше волка ездового говорящего. А он – нет. Не нужен мне, говорит, волк. Я от его шерсти чихаю. Вот и дочихался...

Бесследное исчезновение незнакомых мне семи богатырей Кузьму сильно огорчило. Он оглянулся через плечо и, подозвав к себе мужика в кольчуге, что – то прошептал ему на ухо. Мужик брякнул железом и исчез, а через минуту, за теремом раздалось конское ржание, стук копыт и скрип открываемых ворот. Услышав скрип, Тамара слегка дернулась, но сдержала внезапный порыв.

Покончив с неотложными делами, князь снова обратил на нас внимание.

– Так кого же ты мне привезла? – спросил он, сложив на груди руки.

– Носителей информации важного государственного значения. – отрапортовала Тамара. – Кудесник приказал доставить любой ценой, прямо под твои светлые очи.

– Кудесник говоришь... Любой ценой?... – сказал князь, потом медленно спустился с крыльца и внимательно нас осмотрел.

– Вид больно неказистый, для хранителей важной информации, – поделился впечатлениями он. – И одёжка не наша...

– Какая есть Ваше Сиятельство. – сказал я, глядя князю прямо в глаза. (Честное слово, я не собирался это говорить!)

– Борзый, – холодно изрек князь, не отводя взгляда. – Эх,

сходить бы с тобой разок в татарский тыл, там бы я посмотрел...

– Некогда мне по татарским тылам околачиваться! – ответил я (я что, с ума сошел?), – есть дела и поважнее...

– Да кто ты такой, чтобы так с князем разговаривать? – взорвался Кузьма. – Да я таких как ты...

– Прапорщик российского военно-воздушного флота! – ответил я, гордо выпятив вперед подбородок.

БТ – Пятый скосил глаза на Тамару.

– Кудесник подтверждает. – сказала она.

– А зовут то тебя как, прапорщик? – не унимался князь. – Или ты воинским уставам не обучен и не знаешь, что когда старший по званию обращается, надо имя свое назвать и фамилию, у кого она есть.

Я хотел возразить, что никакой князь мне не старший по званию. Я, вообще ему подчиняться не обязан, но передумал. Бог с ним! Хочет считать себя старшим пусть считает! Я вытянул руки по швам и как можно четче гаркнул:

– Прапорщик Макс Безумных, прибыл в Ваше распоряжение!

– Вот это уже лучше! – одобрительно сказал князь. – Теперь верю, что в военном флоте служишь, а не в обозе кобылам хвосты стрижешь. А девицу зачем за собой таскаешь? Да еще такую... симпатичную?

Наконец, хоть кто-то обратил внимание на Кейси! Честно говоря, я сам поражаюсь её терпению и выдержке. С мо-

мента нашего прибытия в Кузькин, она не сказала ни одного слова, никого не убила и даже не покалечила! А, заметив, что князь обратил на неё внимание, скромно опустила глаза вниз и сделала реверанс.

– Воспитанная, – опять одобрил ее поведение князь, – знает, как себя вести, когда мужчины разговаривают. Но она у тебя вроде как не русская? Нет, ты не подумай ничего плохого. Мы не расисты. Но тебе что, наших девок мало? Они такие у нас – ядреные... Или тебе больше латинянки распутные нравятся?

Я огляделся по сторонам. Девочек, помимо Кейси, вокруг не было ни одной. Дружинники были. Вороны были. Была одна свинья и одна, заглянувшая на шум, любопытная корова. А девочек не было. Наверное, они все тихо сидели по домам и теремам, пряли пряжу, вышивали крестиком, варили щи и кашу и четко знали свое место.

– Это не девка, – сказал я, – а моя невеста. Русская невеста. (Кейси даже слегка подпрыгнула. Или мне это показалось?) Просто на чужбине долго жила. Там ненаших манер и нахваталась. Ничего, вернется домой, выйдет за меня замуж, напечет кулебяк, наварит холодца...

Желудок не свело, скрутило от голода. Я плотоядно посмотрел на мирно лежавшую в луже свинью. Свинья мгновенно расшифровала мои намерения и, покинув любимый водоем, шустро юркнула в дырку в заборе.

– Невеста – это правильно! – одобрил князь, – Но скажи

мне, прапорщик, что за такая важная у тебя информация, из-за которой Кудесник отправил тебя ко мне на лучшей самоходной печке? И постарайся ничего не утаивать и ничего от себя не выдумывать. Времена нынче беспокойные и не хочется, чтобы твоя невеста сразу превратилась во вдову, не побыв замужней бабой.

– А что скрывать? – сказал я. – Думаю, проблемы у вас, Ваше Сиятельство. Беда идет большая на город. Сосед твой Генрих Свирепый умом тронулся. Решил за предков далеких отомстить... Собрал огромную армию, вооружил до зубов...

В воздухе повисла мертвая тишина. Прекратили петать цикады, квакать жабы, даже куры наложили временный мораторий на кудахтанье.

– Стоп! – оборвал меня князь, оглянувшись вокруг – не гоже такие разговоры на пустой желудок вести. В терем НАДО войти. А то еще люди подумают, что я хозяин никудышный, не гостеприимный. А это уже позор. Как говорить, сначала надо доброго молодца накормить, напоить, в баньке попарить, а потом уже допрос устраивать. Правда, в виду срочности обстоятельств, – он покосился на Кейси, – баньку придется отменить.

Глава 8

– Не знаю, как Кудесник, а я не верю! – рассмеялся мне в лицо князь. – Не может этого быть!

Я удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Скромный ужин заметно притупил способность (и главное желание) к критическому мышлению.

Простая сытная русская еда. Я насчитал пятьдесят шесть видов блюд. Из всех названий в голове застряли только слова «расстегай» и «тушеная осетрина по-княжески». Музыкальное сопровождение банкета обеспечивал все тот же, вернувшийся от отца Федора, мальчик Ванька. Сидя в углу, он самозабвенно играл на свирели. Пацан изо всех сил пытался выдуть из нее, что-то возвышенное, зовущее, пробуждающее и внутренне перерождающее. Но у него получались Чижик-Пыжик и Мурка, в разных вариациях, но только они. Князь не обращал внимание на односторонность ванькиного репертуара, а что уж тогда говорить о нас с Кейси? Не станем же мы требовать немедленно подать сводный военный оркестр княжеских балалаечников? Так что пусть мальчик упражняется, нам не жалко.

После сытного ужина под монотонный свист свирели, меня потянуло в сон, и в этот момент было абсолютно наплевать, верит мне Кузьма, или не верит. Я, наконец, наелся, со-

грелся и слегка отдохнул. Уже целых два часа нас никто не соби́рался убить, отравить или заточить во временно пустующее хозяйственное помещение. Ну, скажите, что еще человеку для счастья надо? Да пусть себе не верит, сколько хочет!

Кузьма сдержал слово. Он нас сначала накормил, напоил, в баньке, правда, не парил, но умыться дал, а уже потом приступил к расспросам. И чем больше я рассказывал, тем заметнее у него улучшалось настроение. Под конец моего рассказа, он и заявил, что реальность описываемых мною событий вызывают в нем глубокие сомнения. Я попытался понять его фразу, но не смог.

– Не знаю, что ты наплел Кудеснику, или, чем его околдовал, – князь скептически посмотрел на Кейси, – но, сдается мне, что все твои рассказы, брехня, от первого слова до последнего слова!

Я чуть не подавился куском брусничного пирога:

– Почему?

– По кочану! – лихо парировал мой вопрос, Кузьма. – Нет у нас на сопредельных территориях никакого Генриха Сви́репого, и о Педро Голубом вообще никто никогда не слышал! Сигизмунд Лысый есть, Грюндик Громкий есть. Магистров разных недобитых и прочую мелкую шелупень я даже в расчет брать не хочу. Никто из них нападать не рискнет – отучили! Тем более какой-то Педро... Голубой. Из испанцев он что-ли? Да если кто только к нашим границам только идти подумает, петушок от крика охрипнет. А он молчит! – князь

поднял вверх палец, заставив всех замолчать, и прислушавшись, удовлетворенно констатировал, – Слышите? Молчит!

Мы, с Кейси молча, переглянулись.

Просто поразительно, как сильна вера жителей Зазеркалья в разные магические штуки!

Значит, своим Кудесникам князь не верит, а непонятно как работающему золотому петушку – безоговорочно?

Тем, кто не понимает в чем суть вопроса, советую внимательно проштудировать книгу профессора Любоедова-Тяньшанского «Не все, то золото, что блестит, или Древнейшие способы предсказания наводнений, землетрясений, цунами, нашествий саранчи и вторжения полчищ незваных агрессоров». Хотя, честно говоря, я о ЗВАННЫХ агрессорах никогда не слышал, но книжка все равно очень интересная. Для тех, кто эту книгу не найдет, или кому читать лень, коротко пересказываю раздел касающийся Систем Дальнего Анализа Милитаризма, а проще говоря Золотых Петушков.

Золотые Петушки являются изобретением ханов из Ше-ма. Было когда то такое государство у границ Тибета. Государство было очень воинственное, но и соседи у него тоже были не промах. Только дай повод для войны. Воевали друг с другом каждый день, делая перерыв только на общие религиозно-государственные праздники. А было их немного: буддистский Новый год, день весеннего и зимнего солнцестояния и день рождения Далай Ламы. Постепенно постоянные войны сильно истощили экономику воюющих сторон и

они вроде были не прочь делать перерывы по длиннее. Враги тоже были не против и все вроде бы хорошо, но разве можно доверять врагам?

Вот тогда маги, а может колдуны Шема и создали знаменитого Золотого Петушка. Который должен был только и делать, что сидеть на спице и сканировать окружающее пространство с помощью встроенных магических сенсоров. Как только, где-то вдали резко возрастал уровень агрессивного милитаризма, петушок поворачивался в сторону агрессора клювом и начинал орать как резанный. Всем сразу становилось ясно, именно там сейчас враги и готовят вероломные планы нападения. Естественно, сразу объявлялась всеобщая мобилизация, собирались войска, седлались кони, калились стрелы, точились мечи и, агрессору наносился превентивный упреждающий удар. (Чтоб не повадно было даже замысливать злодейство). Через пару лет уровень агрессивности в притибетских государствах упал почти до нуля. Воевать никто даже не рисковал. Все предавались массовой медитации, улучшению внутреннего самосознания и поискам четырехполосного выхода в астрал. Но одновременно возник вопрос – а кушать, что? Ведь деньги в этих горных неплодородных краях привыкли добывать простым и незамысловатым способом – войной, а разводить баранов, горных козлов и высокогорных яков дело долгое, муторное и человека благородного происхождения не достойное. Тут-то Золотые Петушки и пригодились. Они стали нести настоящие золотые яй-

ца, в переносном смысле конечно. Скажите, кто откажется иметь у себя такую полезную штукювину, значительно экономящую живую силу и дорогостоящую военную технику? Да никто! За неё многие выложат любые деньги! И выложили. Не любые (тут я загнул), но очень большие.

Скоро в каждом уважающем себя государстве появился золотой сторож, придиричиво озирающий окружающие просторы. Говорят, что те, у кого не хватало денег на настоящего Золотого Петушка, сажали на спицу его золоченый муляж. А что тут такого? Обыкновенная военная хитрость, снизу не разобрать (особенно, если башня высокая) какой там Петушок сидит, настоящий или, пардон, контрафактный. И отчего он крутится от ветра, или врагов государственных высматривая. Сами враги этого тоже не знают, поэтому нападать опасаются. И кому, скажите, от этого плохо?

Первая попытка завести Петушка на Русь закончилась неудачно. А если говорить честно – трагически. Думаю, все про это в детстве читали. Петушок, науськанный шемаханской царицей, ухлопал законного правителя, чем спровоцировал массовые беспорядки и длительное беззаконие. Кстати, сами ханы из Шема клялись ламой и утверждали, что никакой шемаханской царицы знать не знали и никакого незаконного захвата власти не планировали. Говорили, что честное имя бизнесмена, стоит гораздо дороже (и приносит гораздо больше денег), чем какое-то заштатное княжество. После тщательных разбирательств, довод был признан убеди-

тельным. Бесследно пропавшую шемаханскую царицу объявили в международный розыск, народные волнения успокоили, на трон посадили двоюродного племянника любвеобильного царька. А Петушков с тех пор стали приковывать к спице прочной золотой цепью. На всякий случай, чтобы избежать кражи ценного оборудования, ну и за одно, чтобы не летали куда попало и не клевали кого не надо.

Дела у шемаханских купцов те временем пошли так хорошо, что воевать им стало без надобности. Производство Петушков было поставлено на конвейер (хотя не знаю, есть у них конвейер или нет). Говорят, шемаханы, по желанию клиента, придавали СДАМАм форму попугаев, жар-птиц, фениксов, сторожевых псов и даже священных коров, но самой удачной формой все равно был признан все-таки петушок. Вы только представьте себе на шпиле тревожно мычащую корову, или зловеще каркающую ворону, а может быть собаку? Или на худой конец бегемота?.. Враги, и друзья, просто от смеха лопнут.

Пока я предавался воспоминаниям, банкет незаметно перешел в завершающую фазу. Есть мы ничего больше не хотели и не могли. В нас просто уже ничего не лезло. Чего нельзя сказать о Кузьме. С методичностью утилизатора старых автомобилей он уничтожал орешки в меду, шанежки, плюшки, пироги с визигой (что такое визига понятия не имею), блины с черной и красной икрой и еще многие блюда, названия которых я не расслышал.

На наших глазах живот князя стал раздуваться, навевая мысли о скорой экологической катастрофе местного масштаба. Кейси уже давно внимательно осматривала терем, определяя пути возможного отступления.

— Мальчика жалко. — тихо, одним губами сказала она.

Я едва заметно кивнул. Судьба малолетнего флейтиста меня волновала, но наша тоже вызывала определенное беспокойство. Глядя на живот князя, я понимал, что гостеприимного хозяина надо срочно оставить в одиночестве. А то еще контузит ненароком взрывной волной... Но, увы, правила придворного этикета не позволяли вот так, просто взять и уйти. Тут такой фортель могут запросто принять за оскорбление, а что будет дальше, вы сами догадываетесь. (Сколько можно об этом рассказывать).

Нам оставалось одно: проявить самообладание смекалку, и армейские навыки. За секунду до взрыва сцапать мальчишку, прикрывшись стульями юркнуть под стол и лечь ногами к эпицентру взрыва. Отодвинувшись подальше от стола, (насколько это возможно, чтобы не вызвать ненужные подозрения) мы напряглись не спуская с князя глаз.

И тут Кузьма встал. Выпрямился во весь рост и тяжелыми шагами направился к нам! На ходу затягивая потуже пояс с ножнами! Ваня перестал играть на свирели. Неумолимо приближающиеся тяжелые шаги стучали в наших головах предсмертным метрономом. Он был похож на гибрид Командора с идущим на таран шахидом-смертником! Я мысленно пере-

крестился.

– Ну, гости дорогие, – сказал князь, подойдя к нам вплотную, – будем считать, что скромный ужин в узком кругу прошёл успешно. Как, У НАС, говорят, утро вечера мудренее. День у вас, господа хорошие, был тяжелый, пора и спать-почивать отправляться. Уж не обижайтесь, покои я вам отвел не княжеские, но вашего высокого чина вполне достойные. Кровати дубовые, перины и подушки на них пуховые. Спать будете как дома.

«Это, смотря, что называть домом», подумал я, вспоминая свою казарменную подушку, жесткую, но самую мягкую и спокойную одновременно.

Глава 9

– Милый, как ты думаешь, с какой скоростью могут бегать шерстистые диплодоки?

Нет, вы только представьте себе: ночь, нескромно заглядывающая в окно крупная луна. (Не знаю почему, но здесь луна всегда крупная – как в кино), сказочно красивые, отражающиеся в воде озера (вместе с луной) звезды, чарующие рулады цикад, нереально мягкая перина, подушка на лебяжем пуху, и пришедшая к тебе под утро девушка в длинной белоснежной слегка прозрачной ночной рубашке. Ее распущенные волосы пахнут лесными травами, а кожа мягко светится в нереальном свете луны. От нежного прикосновения ты открываешь глаза, тянешься обнять тонкий девичий стан ...

– Милый, так какая у них скорость? – снова повторила вопрос Кейси.

Сказка сразу закончилась. Внучка американского кока удобнее уселась на мою кровать, деловито подобрав под себя ноги.

– Милый, я все думаю – как Педро собирался доставить сюда своих шерстистых диплодоков?

«Лучше бы ты думала о чем-нибудь другом», – подумал я, а вслух спросил:

– А почему ты решила, что ему надо было тащить их именно СЮДА?

При одном воспоминании об этих милых зверюшках у меня волосы на спине встали дыбом. Я теперь точно знал, как выглядит самый страшный зверь Зазеркалья.

– Ты помнишь, милый, Крюгер говорил Педро о начальной стадии операции, для которой ему и нужны были диплодоки... – сказала Кейси.

– Ничего удивительного, – ответил я, отчетливо понимая, что поспать больше не удастся, – после долгого марш броска, перед боем, войска надо покормить, и лучше свежим мясом.

– Милый, ты никогда не пробовал забить шерстистого диплодока НА МЯСО? – в голосе моей невесты ясно слышались ехидные нотки.

– Я не пробовал. Но, думаю, есть люди...

– Которым жить надоело, – закончила мою мысль Кейси, и продолжила, – В бой надо идти с пустым желудком.

– Это почему?

– Во-первых, на пустой желудок бегать и драться легче, а во-вторых, если ранят, хирургам хлопот меньше..

– Может Крюгер решил устроить психическую атаку? – выдвинул я новую версию. – Представь на эту, с позволения сказать, крепость, ровными рядами идут диплодоки, нога в ногу, грозно выгнув могучие шеи? Страшно?

– Страшно, согласилась Кейси, – но есть один нюанс?

– Какой? – не понял я.

– Такой! – Кейси встала, грациозно подошла к окну (а фигурка у нее ничего!) и жестом подозвала меня.

Я не вскочил, слетел с кровати, прошлепал по полу босыми ногами и стал у нее за спиной. Запах волос и призрачный свет луны будоражил фантазию, руки сами потянулись к ...

– Милый, ты посмотри внимательней! – сказала Кейси, не обращая внимания на мои поползновения.

Внизу, почти сразу за деревянными крепостными стенами, переливалось звездными искрами озеро. Со всех сторон его окружал дремучий лес, начисто убивающий любые мысли об организации психической атаки в любой форме. Там просто негде было маршировать в полный рост под пулеметным огнем.

– Может, они должны были его переплыть? – спросил я, показав на озеро. – Диплодоки умеют плавать, медленно, но умеют.

– Переплыть? А зачем? – спросила Кейси. – К тому же, умение плавать не гарантирует непотопляемости...

– Ты думаешь. Кузьма стал бы их топить, как котят? Не зверь же он, в конце концов. Расстреливать в воде беззащитных зверю...

– Молодец! – похвалила меня Кейси, – Ты мыслишь в нужном направлении. Теперь представь, вылезли они на берег. Отряхнулись. Кузьма начал бы думать, что с такой оравой делать. И тут...

– Средневековое сейсмическое оружие! – осенило меня, –

Если эта орава одновременно подпрыгнет... Или если ее кто то испугает, то...

– Вот именно, – подвела итог Кейси, – от этой крепости, она обвела рукой вокруг, мокрого места не останется. Вернее, только оно и останется.

По моей спине промчалось стадо маленьких ледяных ящеров. Я на собственной шкуре испытал, на что способно стадо взбесившихся диплодоков. А если на их пути окажется мирно спящий городок? Да для таких чудовищ рвы и крепостные стены, как для танка противомоскитная сетка. Никто даже крикнуть не успеет.

– Ах, он гад! – сказал я. – Это ведь оружие массового поражения. До этого еще никто не додумывался. Во всяком случае, я о ТАКОМ нигде не читал... Его надо запретить и чем быстрее тем лучше. – Я стал носиться по комнате, ища одежду. – Хорошо, что мы их спугнули, можно сказать, почти ценой собственной жизни!

– Хорошо. – согласилась Кейси. – Но меня волнует не это.

– А что?

– Как он собирался их сюда припереть? Не своим же ходом?.

Ты я задумался. В словах моей невесты был смысл.

Вот скажите, что важно в начале военных действий? Правильно, внезапность! Свалиться ничего не подозревающему противнику как снег на голову, ошеломить, испугать, деморализовать, не дать опомниться и разбить в пух и прах.

Теперь представьте, движется по земле армада. Лязгают гусеницы, ржут кони, ругаются ландскнехты, орут командиры. И ползет это войско через ЧУЖИЕ земли! Вы бы разрешили, проход через ваше любимое королевство очень большой, даже по нашим меркам, армии? И я бы не разрешил. Даже если бы мне торжественно поклялись на всех священных книгах, что не будут давить моих кур, жрать моих свиней и портить моих девок. Слишком много соблазна не захватить мимоходом государство другое...

Все ясно. Никто нападать Русь не собирается. Идейные вдохновители (Педро и Крюгер) мертвы. Так зачем отправляться в невеселое, далекое и опасное путешествие, когда можно хорошее спокойно пограбить не отходя далеко от кассы? Сначала ландскнехты, рыцари и зомби между собой передерутся, а потом пойдут крошить все, до чего дотянутся. Значит, Все, конец игры. Можно, наконец, расслабиться, купить на память сувениры, упаковать чемоданы и домой, в смысле на базу...

Кейси отнеслась к моим выводам скептически, и порадоваться вместе со мной не захотела. Сказала, что на личном опыте знает – негодяи класса Крюгера и Педро просто так, от обвала стен и крыши не помирают. Поэтому она подозревает, что совсем скоро наши знакомые здесь объявятся. Вместе со всей большой дружной компанией.

– Ничего не кончилось. Все только начинается. – сделала она вывод.

– Все что мы могли здесь сделать, сделали. – подвел черту я. – И не наша вина, что Кузьма нам не поверил. Все, домой с чистой совестью! Нас ждут на базе! И не просто ждут, ищут! Ночами не спят. Не знаю как американцы, а русские своих не бросают. Вот вернемся, напишем обо всем рапорт, а дальше специально обученные люди все сделают как надо. Придет сюда подмога, даже не сомневаюсь, и как даст и Педро и Крюгеру и всем остальным...

– Если будет куда приходить. – сказала Кейси отворачиваясь от окна. – Пока мы до твоей базы доберемся, тут одни головешки останутся. И почему ты так уверен, что твои товарищи тебя ищут? И почему, милый ты решил, что Кузьма нам не поверил? Если бы он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не поверил, мы сидели бы сейчас в темнице, но без Васи

– Пока Крюгер со всей армадой до Кузькина доползет... – вяло парировал я.

– Он ползти и не собирается, – сказала Кейси, – Я его знаю, он мерзавец, но не идиот.

Да, что и говорить – не каждый мерзавец является идиотом, но и не каждый идиот является мерзавцем, а жаль.

– И как же он собирается сюда добраться? – спросил я, снова ложась, уже в одежде, на кровать. Поспать все равно больше не удастся, так хоть отдохну, напоследок.

– Не знаю, – честно призналась Кейси и вздохнула. А я тихо обрадовался. Хорошо, когда будущая жена, хоть что-то не знает.

Спать уже не хотелось и от безысходности я начал обсуждать со своей невестой способы быстрой переброски большого количества войск на дальние расстояния. Сразу отбросили пешие марш-броски, из-за низкой скорости и отсутствия хороших дорог, потом отпал речной и морской транспорт. Где столько кораблей взять, и неизвестно соединяется озеро с какими-нибудь водными артериями. Зотцев и камазотцев, отмели тоже сразу, и не потому, что благородный Педро не пойдет на сговор с врагами, а потому, что такому количеству индейских летательных аппаратов не перемахнуть через побережье незамеченными. Кортес свое дело знает. И, потом, могут ли камазотцы перевозить в своем магическом нутре танки вместе с рыцарями и их конями? Захотят ли рыцари брататься со своими злейшими врагами?

Об индийских виманах и речи не могло быть. Очень уж там сложные кастовые отношения. Пока со всеми договоришься... проще пешком дойти. Да и судя по косвенным признакам у индусов полно проблем с Китаем и Тибетом. Не до нас им сейчас. А еще они очень вспыльчивые, могут за что то обидеться и испепелить небесным огнем. Лучше не связываться.

Короче говоря... Остается только одно надежное и проверенное средство доставки – большой военно-транспортный самолет.

Вы спросите про взлетно-посадочные полосы? И будете правы. Без этой широкой полосы бетона никто не взлетит и

не сядет...

Но ведь это как раз самая маленькая проблема! Любой джинн (в этом месте мы с Кейси переглянулись, вспомнив с каким маниакальным упорством Педро пытался выманить у нас джиннбутылки) за пять минут не то что взлетно-посадочную полосу построит, целый аэропорт отгрохает!

Эту рабочую гипотезу подтверждала взлетная полоса, обнаруженная спецназом «Неспешного», недалеко от заброшенного замка орков.

Оставался открытым один вопрос. Где они смогут взять столько транспортных самолетов? Но ведь где-то они взяли невероятное количество танков? Я снова подозрительно посмотрел на свою невесту.

– Не смотри на меня так, милый! – сказала она. – МЫ Педро никаких транспортных самолетов не продавали!

«Конечно, не продавали» – хотел ответить я, – «Просто сдали в аренду. Вместе с пилотами». Но не сказал. Не успел.

В комнату, без стука, валился Кузьма БТ-5ый. Вид у него был, мягко говоря, озабоченный. Взлохмаченные волосы. Не подпоясанная косоворотка. Не расчесанная борода. Страшный перегар после вчерашнего. И смотрел он на нас недобро. Настолько недобро, что впереди опять отчетливо замаячила перспектива холодного острога, ржавых кандалов и палача с плохо простерилизованным топором.

Но Кузьма не спешил звать заплечных дел мастеров. Он окинул нас взглядом из под сурово сведенных бровей, на се-

кунду задержался на завернувшуюся в мою куртку Кейси, и сказал:

– Ну, что накаркали, господа хорошие? Погубили недруги нашего Петушка!

Глава 10

Петушок лежал на левом боку, подергиваясь в предсмертных конвульсиях. Лично у меня создалось впечатление, что в него только что в упор всадили заряд крупной картечи, или сумасшедший альпинист-птицененавистник долго и остервенело, лупил по несчастной птице альпенштоком. Сквозь рваные сквозные дырки в крыльях и фюзеляже была хорошо видна перламутровая инкрустация княжеского стола. Клюв был свернут на бок, гребень оторван, шпоры на лапах обломаны. Единственный оставшийся глаз навсегда затянулся тусклой золотой пленкой.

– Утром послал Ваньку на шпиль, – сказал Кузьма, – проверить на всякий случай. Вот он и проверил, – князь с укоризной посмотрел на мальчишку.

Вчерашний музыкант тихо сидел в углу, низко опустив голову, словно это именно он изуродовал дорогостоящее чудо оборонной магии.

– Если петухов убивают, значит это кому-нибудь нужно. – глубокомысленно изрек я.

– Даже знаю кому. – добавила моя невеста, уже успевшая одеться и причесаться..

– Кому?! – поинтересовался князь.

– Крюгеру, – ответила Кейси, с трудом вынимая из плотно

сжатого золотого клюва пучок перьев.

– Почему именно Крюгеру? – спросил я. Действительно, почему именно этому лягушачьему изуверу понадобилось уничтожить несчастную птицу? Разве мало других негодяев вокруг.

– Это его дятлы. – моя невеста выложила перья на ладонь и легонько дунув отправила их в полет. Красно-черные перышки легко закружились в первых лучах восходящего солнца. – Боевые дятлы – его разработка.

– Боевые Дятлы? – спросил я. – Это ваше подразделение так называлось?

– Нет, – терпеливо, продолжила объяснять Кейси. – Наше подразделение называлось ... по-другому. А дятлов я имела в виду живых...

Я вспомнил лабораторию Крюгера, злодейски разрушенную марксистами-антиглобалистами. Там действительно было много птичьих клеток. Пустых. Но, ни одного дятла, ни дохлого, ни живого я там не увидел.

– Крюгер мечтал вывести породу боевых дятлов. Это была его персональная разработка. – сказала Кейси, и поймав недоуменный взгляд Кузьмы, добавила, – Представьте, на что способна стая специально подготовленных дятлов во вражеском тылу? Подточенные опоры мостов, испорченные катапульты, продырявленные бочонки с порохом, водой и бензином, подрубленные телеграфные столбы, поврежденные бензопроводы и тормозные шланги...

– И заклеванные насмерть Петушки. – добавил я.

– И Петушки тоже, – согласно кивнула Кейси, – хотя мне такое применение даже в голову прийти не могло.

– А ему пришло, – сказал я, поднимая с пола перо. – Он находчивый. Еще не то может придумать.

– Кто находчивый? – не понял Кузьма.

– Крюгер, – пояснил я. – Теперь Личный Враг вашего Сиятельства и особа подлежащая немедленному умерщвлению через обезглавливание...

– Ты, солдатик, поперек меня не лезь! Кто мой личный враг, я сам могу решить! – рывкнул Кузьма, потом обхватил руками голову, вздохнул и добавил, – Кого обезглавливать немедленно, а кого в кипятке не спеша варить, я тоже сам решаю! Прав ты был в одном, солдатик, не стоило сильно доверять этим заморским магическим штучкам. Ну, ничего, как говорил мой дед: «На Петушка надейся, а сам не плошай»! Степан!

В комнату, влетел, звеня шпорами, не витязь в серебряной кольчуге, и не богатырь в позолоченных доспехах, а казак с выбивающимся из-под фуражки лихо закрученным черным чубом.

– Степан, – сказал Кузьма, дружески хлопнув его по плечу, – тут у нас возникли некоторые... подозрения, на счет соседей наших. Возьми как своих молодцов и слегка пошуруй у них. Только по-тихому, без лишнего шума. Никого нагайками сечь не надо! И к ба... он посмотрел на Кейси и не

стал заканчивать фразу.

– Не извольте беспокоиться! Все сделаем в лучшем виде! – браво гаркнул казак, – Только, что пошукать то?

Князь на мгновение задумался:

– Что пошукать? Да все!

– В смысле? – не понял Степан, – Мы столько не унесем! Только если обоз прихватить, или трофейный транспорт использовать...

– Я что, не ясно сказал? – возмутился князь, схватившись опять за голову. (Вечерние посиделки даром не прошли). – Просто посмотреть, нет ли у соседей чего странного и необычного.

– А если найдем? – спросил Степан.

– Если найдете, шум не поднимать – взять языка и сразу назад! – распорядился князь.

– Языка, это за раз. – обрадовался казак. – Возьмем и не одного. Разрешите выполнять Ваше Высокоблагородь...

– Разрешаю. – повелел князь. – И быстро! Одна нога здесь другая, уже там...

– Ваше Сиятельство, разрешите задать Степану один вопрос? – спросил я, глядя на стремительно удаляющегося казака.

Степан замер в дверях с немим вопросом в глазах.

– Это, смотря, какой вопрос? – сказал Кузьма. – Если он не угрожает нашим стратегическим интересам...

– Не только не угрожает, стоит на страже. – быстро сказал

я.

– Ну, тогда, позволяю...

– Скажите, э-э-э я не знаю вашего звания...

– Ротмистр, – звякнул шпорами казак.

– Скажите, ротмистр, – продолжил я. – а нет ли здесь поблизости места, где мог бы приземлиться самолет? Большой самолет. Много больших самолетов.

Ротмистр задумался, покручивая черный ус.

– У нас, или у соседей? – переспросил он.

– Скорее у соседей. – ответила Кейси. – А если у нас, то где-нибудь в глуши, но не очень далеко.

Степан опять погрузился в размышления. Князь начал нервничать. Еще бы, своими идиотскими вопросами мы задерживали выполнение ответственного приказа!

– Если у нас, то только на поляну, к Нестерову и Уточкину, а если у соседей, то – на Орочью Пустошь, больше некуда. Только кто туда сунется, на самолете?! – вынес, наконец, свой вердикт ротмистр. После чего, перехватив повелевающий взгляд князя, скрылся в дверях.

Князь потребовал рассола. Выпил залпом большой кувшин. Утерся вышитым полотенцем и снова проявил интерес к нашим персонам.

– Это, о каких таких площадках для самолетов ты спрашивал у ротмистра?

Следующие полчаса мы с Кейси объясняли князю единственно возможный способ тайной и быстрой переброски

неприятельских войск к стенам города.

Наконец до Кузьмы дошло. Он быстро подошел к окну, распахнул его и подозвал нас. Внизу медленно катило волны все то же озеро Везде, практически вплотную к нему стояли высоченные мощные елки. Может мне и показалось, но за ночь лес стал заметно гуще. Внизу, на пристани, как ни в чем ни бывало, суется народ.

– Ну, и где сядут твои аэропланы? – спросил князь.

– Во всяком случае, не на озеро. (Мысль о гидросамолетах я отбросил как вообще фантастическую) И не на самый берег. – ответил я. – Где-нибудь в стороне есть большая поляна или пустырь, где ваши суперёлки не растут?

Князь задумался. Мне кажется, он мысленно сканировал карту ближайшего пограничья.

– Ротмистр был прав – только на Орочьей Пустоши. – наконец согласился он. – Елки там расти не хотят, потому, что не могут. Но какой нормальный человек туда сунется? Она же проклятая! Над ней, не то, что самолеты, даже драконы не летают! Или у Нестерова и Курочкина на поле...

Мы с Кейси переглянулись. Предполагаемое место высадки супостатов было найдено.

Это было просто и гениально. Пока мы ожидаем высадки десанта неизвестно где. Он высаживается прямо у нас под боком, на княжеском аэродроме!

Эта же мысль пришла в голову Кузьме. Он хлопнул второй жбан рассола (и куда в него столько влазит?) и бросился вон

из комнаты. Согласитесь, неудобно оставлять князя одного в минуты смертельной опасности, поэтому, мы рванули вслед за ним.

Глава 11

Княжеский аэродром и аэродромом было назвать трудно. Просто большая, поросшая зеленой травкой поляна. Сбоку притулился патриархального вида неказистый теремок с тремя сараями, служившими, (мне так кажется), ангарами для самолетов. Вдалеке, среди деревьев затерялось очень старое внушительного вида строение, собранное из нереально толстых бревен, напоминавшее и терем и ангар одновременно. Но, оно князя не интересовало. Он направил свой, разрисованный гербами, уазик прямо к теремку. Следом за нами, в кузове Газ-157 к теремку подкатила группа захвата из полутора десятка стрельцов. Они бесшумно попрыгали на землю (нет, вы мне скажите, какой смысл бесшумно прыгать, если рев прогоревшего глушителя их Зилка не разбудил только покойников на местных кладбищах?) и окружили терем, заняв позиции у всех окон и дверей.

Князь был не робкого десятка. Он вылез из машины и собственноручно забарабанил в резные двери теремка рукоятью именного револьвера. (На рукоятке была гравировка: «князю Кузьме за верную службу» Это я еще вчера вечером рассмотрел, когда князь хотел перебить пулей цепь на своей люстре, чтобы доказать, что он человек честный и всегда с работниками расплачивается).

– Открывайте, клятвопреступники! – заорал он. – Немедленно! Пришло ваше время! Пробил час смертный! Плаха готова!

– Зря он так орет. – негромко сказала мне Кейси, – Эффекта внезапности теперь никакого.

– Может, это так здесь принято? – пожал плечами я. – Вдруг, сейчас у предателей ноги, руки от страха отнимутся?

– А если не отнимутся? – засомневалась Кейси, – Если они сейчас в упор в дверь из пулемета?

– Тогда стрельцам придется срочно искать нового князя. – сказал я.

В этот момент дверь терема распахнулась, и, замахнувшийся для очередного молодецкого удара князь, ввалился внутрь. Не знаю как, но через секунду мы тоже, вместе с князем и стрельцам, оказался внутри. Как нас туда занесло – не понимаю. Может стрельцы на всякий случай прихватили, а может мы и сами в едином порыве...

Терем внутри походил больше на пиратское логово, чем на штаб военно-воздушной части. В одном углу были свалены добротные кожаные летные куртки, в другом, запчасти от авиационных двигателей, вперемежку с пустыми цинками от патронов. Но, на стоящем посередине дубовом столе, был абсолютный порядок. Карты свернуты и аккуратно сложены в стопку. Офицерские линейки, транспортиры, и другие канцелярские принадлежности лежали на своих местах. Стальной сейф с надписью: «Для секретных документов. За-

говорен на смерть. Не имеющим допуска не подходить близко!», закрыт. Картину довершало занавешенное юбкой низкое окно. Юбка была цветастая, пестрая, явно принадлежавшая одной из местных барышень.

У дальней стены стоял с поднятыми руками среднего роста мужик. В одной руке у него был зажат вспененный помазок, а в другой обычный одноразовый станок для бритья. Одет мужик был в кожаные галифе, сверкающие хромом сапоги с застежками на икрах и белоснежную, заправленную в брюки рубашу. Одна половина лица у него была выбрита, а добрить вторую помешал прижатый к кадыку штык трехлинейной винтовки Мосина.

– Ну, что? – радостно орал князь, размахивая у него перед лицом револьвером, – Допрыгался, Нестеров, допетлял?

Летчик хотел, что-то сказать в свою защиту, но каждый раз остро отточенный кончик штыка, прерывал в зародыше его благородный порыв.

– А второй где? – продолжал бушевать Кузьма, – Опять с бабами?

Наверху раздался шум, визг, звон битого стекла. Кто-то выпрыгнул из окна и шустро побежал к лесу. Стоявший ближе к окну стрелец распахнул окно и вскинул винтовку.

– Не надо, – негромко сказал князь, опуская рукой ствол, – пусть живет.

Честно скажу, я был поражен, таким внезапным великодушием к заговорщику, но тут со второго этажа спустились

стрельцы. С собой они тащили еще одного мужика в кожаных галифе, но без сапог.

— Князь! — заорал он, как только увидел Кузьму, — Спасайся! Измена! Стрельцы взбунтова... — Окинув взглядом комнату, он не стал заканчивать фразу.

— Кто тут взбунтовался, я лучше знаю. — сказал Кузьма. — И кто изменил мне, тоже. — князь снова глянул в окно. Прыгун со второго этажа уже почти добежал до леса. — Ох, и отчаянный ты парень, Уточкин, ведь это Клавка, кузнецова дочь. Ведь врежет тебе кузнец, когда узнает. А рука у него тяжелая...

— Я может, жениться на ней собираюсь! — начал обиженно оправдываться Уточкин.

— Знаю я эти «жениться», — отмахнулся рукой князь — если собрать всех девок на которых ты собирался «жениться», то получится гарем больше, чем у султана Абдуллы Туркестанского. Впрочем, теперь это уже все равно, быть твоей Клавке соломенной вдовой!

— Это почему? — быстро спросил Уточкин.

— Да потому, что жить тебе осталось немного, — охотно пояснил князь, — сейчас выведем тебя на свежий воздух и ... в расход.

— За что? — заорал Уточкин, — пытаюсь вырваться из лап стрельцов.

— За государственную измену! — подняв указательный палец, вверх сурово сказал Кузьма и жестом приказал стрель-

цам выводить задержанных из терема.

Вот оно какое средневековое правосудие – стремительное и беспощадное. Никаких адвокатов, никаких «вы имеете право хранить молчание», «все, что сказано, может быть использовано против Вас». Зачем тратить зря время и чернила на составление протоколов и подписание приговоров. Но, честно говоря, я думал, что все это там на Западе. А наши, русские, князья не такие. Они высокогуманные, мудрые, прозорливые и милосердные. И вот вам – пожалуйста.

Князь милосердно поставил двух летчиков спиной к солнцу (чтобы не светило перед смертью в глаза) и построил стрельцов в ряд.

– Обалдеть, – сказала Кейси. – Надо что-то делать.

С этим я был согласен. Нельзя расстреливать людей, основываясь на голых умозаключениях. Надо хотя бы допросить, выяснить скрытые пружины, организаторов, Серых Кардиналов...

– Товсь! – скомандовал князь стрельцам.

Стрельцы вскинули винтовки...

Расстрел в этих краях вещь новая. Обычно здесь рубят головы или вешают – в зависимости от знатности рода и тяжести вины преступника. Но расстрел – это (с точки зрения местных жителей) бессмысленный расход патронов, поэтому он применяется в исключительных случаях, как знак высокого уважения к будущему покойнику. Видимо он очень ценил и уважал своих летчиков.

Кузьма медленно вынул из ножен и поднял высоко над головой меч. Луч солнца сверкнул на самом острие и замер, приковав к себе взгляд ожидающих приказа стрельцов. Выдержав необходимую для исторического момента паузу (Князь сурово расправляется с заговорщиками), Кузьма медленно, медленно повел меч вниз, глядя, при этом, куда-то в сторону.

Но меч замер как вкопанный, вернее сказать, как впаянный в воздух. Князь напрягся. Меч даже не подумал шелохнуться. Князь занервничал и дернул его изо всех сил. Меч не продвинулся ни на сантиметр.

Скажу сразу: в этом нет ничего удивительного. И никакая магия здесь не при делах, просто меч был зажат в пасти здорового дракона. Уточняю – в пасти третьей головы большого трехголового дракона, или, говоря по-нашему, (нечего преклоняться перед Западом) Змея Горыныча.

Глава 12

Спрашивает, почему я решил, что это именно Змей Горыныч, а не какой-нибудь многоголовый змей – коренной житель темных пещер гор Королевского благолепия или хребтов Последних Пожеланий?

Ну, ребята, тут все просто. Не надо даже мозги особо напрягать. Каждый более или менее разбирающийся в драконах человек знает, что в природе эти зверюги встречаются только в одноголовом варианте, а все двух, трех, четырех, пяти, шести, двенадцати, или двадцатичетырех (да, да, не удивляйтесь, встречаются и такие чудовища, правда они летать не могу и ходят с трудом) головые монстры являются продуктами секретных лабораторий Темных магов. Зачем оно им надо? Да кто же их знает? Может из научного интереса, а может, чтобы больше нагнать страха на окрестных жителей. Хотя кого может испугать еле ковыляющая, вечно голодная двадцатичетырехголовая махина, которая не то, что рыцаря или хотя бы его коня сожрать, кролика поймать не может?

Змей Горыныч отечественного производства, заметно отличается от своих зарубежных аналогов. Во-первых, насколько мне известно, наши колдуны и волшебники создавали только двух и трехголовые варианты. Почему? А больше голов и не надо. Наши драконы, простите – змеи, экономич-

ны, практичны в эксплуатации и максимально адаптированы к использованию в суровых российских условиях.

Именно поэтому, Змей державший зубами меч князя Кузьмы БТ-пятого был покрыт густой шерстью. У него только морды были в толстой чешуе. Думаю, для того, чтобы пламя из пасти каждый раз не опаливало ценный мех. Сейчас лето, и поэтому шерсть имела легкий зеленоватый маскировочный оттенок, а к зиме, (если верить книге «Занимательное драконоведение»), она станет белой сверху и слегка сероватой снизу.

Тем более, это был (насколько я понимаю) не просто Змей Горыныч, а ДУБ. Что, спрашиваете, причем здесь деревья? А не при чем! ДУБ, (как утверждает книга «Отечественное драконоводство. Основные аспекты и проблемы») – это Дальний Универсальный Бомбардировщик.. Создан, пардон, выведен он был специально для дальних перелетов и, естественно, не за грибами. Если где-то далеко надо кого-то разбомбить, похитить или спасти, то лучше ДУБа ничего не придумать. Бесшумный, высокоскоростной, с огромным максимальным потолком и прекрасным ночным видением – Змей этой модификации стал незаменимым помощником в выполнении различных деликатных поручений. Но потом популярность их внезапно сошла на нет. С чем это связано, автор книги, некто К. А. Щей умолчал, написал только, что в связи с рядом обнаруженных недостатков эту модель Змея быстро сняли с производства. Якобы Змеи в силу каких-то не

изученных до конца причин очень любили воровать царских особ женского пола. Воровать, прятать в темницу или пещеру (кто что находил) и вступать в пререкания с примчавшимися на помощь несчастным девицам богатырями. Что особенно интересно, девицы потом уходить от змея ни за что не хотели. Богатыри этого не понимали, в пылу полемики хватались за мечи, ну а дальше вы знаете...

Но Бог с ними, с богатырями, я, лично, Змеем залюбовался. Он был похож на сложный гибрид совы, птеродактиля, медведя-гризли и тираннозавра. Трехголового тираннозавра.

Кстати, а вы знаете, зачем Змею три головы? Думаете для устрашения и увеличения огневой мощи? Заблуждаетесь! В дальнем полете одна голова выполняет функции штурмана, другая – бортстрелка (в смысле плюется огнем во что попало), а средняя контролирует полет, выбирает оптимальную частоту взмаха крыльев, контролирует тепловой режим кожных покровов, короче говоря – командует. По мере надобности головы спят, тогда одна из бодрствующих работает автопилотом – держит заданный курс, высоту и скорость. Как говорят у нас в народе «одна голова хорошо, а три лучше»!

Одна голова Змея (крайняя справа) сейчас держала в зубах меч, а две другие снисходительно наблюдали за тщетными попытками князя освободить свое холодное оружие. Кузьме надо было бы оставить меч Змею, если он ему так нужен. Но княжеские подчиненные могли расценить это, как

проявление внутренней слабости. А это уже подкоп под государственные устои. Князь еще раз изо всех сил дернул меч уже двумя руками (меч, естественно, даже не шелохнулся) и, испепелив Змея взглядом, спросил:

– Поликарп, долго ты будешь мешать мне вершить справедливое правосудие?

– Справедливое? – удивленно спросил Змей, поудобнее складывая за спиной большие, покрытые нежнейшим пухом, крылья.

– Справедливое КНЯЖЕСКОЕ правосудие! – особо подчеркнул Кузьма. Мне кажется, он устал стоять с поднятой рукой. Стрельцы взирали на эту сцену спокойно, словно видели подобное десятки раз. Они тоже устали держать ружья, но приказ никто не отменял. Летчики же, наоборот, счастливо улыбались.

– А с каких это пор, ты – князь, взялся казнить без суда и следствия МОИХ подчиненных, не спросив на то МОЕГО согласия? – поинтересовался Змей.

Мы, с Кейси, даже рты открыли от изумления, очевидно, тут имела место тайная политическая игра.

– Я ЗДЕСЬ князь! – продолжал гнуть свою линию Кузьма. – И казнь своих подданных кого хочу и когда хочу.

– Вот здесь ты абсолютно прав! – сказала средняя голова. Левая, в это время, выпуская из ноздрей пар, регулировала теплообмен, а правая по прежнему держала меч. – СВОИХ подданных. А летчики здесь при чем?

Князь замялся.

– Они... предатели! – почти выкрикнул он. – И я их... по закону военного времени!

– Война? – удивленно и обрадовано вскинула брови средняя голова, но потом сокрушенно вздохнула – Война пока не началась. И все равно это не дает тебе без суда и следствия расстреливать МОИХ починенных! Может рассказать о твоём произволе царю-батюшке Всеволоду Т-34?

– Отпусти меч. – упавшим голосом сказал Кузьма.

– Отмени команду. – настаивала средняя голова.

– Отставить «товсь». – еле слышно, сквозь зубы выдавил из себя князь.

Стрельцы с видимым облегчением опустили ружья. Князь, от неожиданности, чуть не выронил освободившийся меч, а Змей, неслышно ступая на огромных лапах, подошел к летчикам, и тщательно их обнюхал, шумно втягивая ноздрями воздух. Причем сразу всеми тремя головами.

– Изменой не пахнет, – вынес вердикт он.

– Ну и что, что не пахнет! – крикнул князь. – А вдруг ты с ними заодно?

Зря он это сказал, зря. Змей мгновенно выпрямился во весь свой огромный рост, расправил крылья, и стал похож на МиГ-39 выполняющий «Кобру». Он и заревел как самолет на форсаже, завис над князем, огромным трехголовым дамокловым мечом, как орел над сусликом... Средняя голова максимально широко разинула зубастую пасть.

– Нееееееет! – закричали одновременно я, Кейси, Нестеров с Курочкиным и выскочившая из-за спины Змея полу-голая зареванная девица.

Змей от удивления чуть не подавился собственным пламенем.

– Если ты сожрешь князя, то станешь организатором государственного переворота! – крикнул Нестеров, – Он, хоть и самодур, но законный князь!

– Ерунда, – сказала правая голова, – это будет простая ротация власти.

– А если мы его не сожрем, а просто поджарим, – добавила левая, – то это будет выглядеть как несчастный случай на производстве. Неосторожное обращение с огнем и все такое.

– А свидетели? – спросил я.

Змей задумчиво почесал лапой среднюю голову.

– Вот здесь проблема, – сказала она, – невинная кровь – это плохо. После этого летается тяжело. Подъемная сила не та...

Замершие стрелы обрадовано вздохнули.

– Спасибо тебе Поликарп Никанорович, мы всегда тебя знали как великого гуманиста и человеколюбца! – выразил общее мнение их командир. – И просим тебя покорно не гнеться шибко на князя. Неприятности у нас большие. Петушка кто-то золотого сгубил и, пришлые люди говорят, что сила идет на наш город не сметная...

– В каком смысле сгубили? – не понял Поликарп. – Со-

жрали?

– Не сожрали, – поправил Змея стрелец, – сгубили!

– Ой, сгубилиииии! – заголосила девица. – Сгубииииили невинную дууууушу!

Все посмотрели на девицу, а я на змеиные когти. Обломков золотых перьев на них не было.

– Заткнись Клавка! – крикнул на нее пришедший в себя князь, – не было у него души, и сердца не было. Он железный, в смысле золотой.

– А Железный Дровосек? – снова заголосила Клавка, но уже послабее, – Он железный, но у него такое большое... сердце.

Стрельцы нехорошо заржали, но под суровым взглядом князя мгновенно заткнулись.

– Ну, ты сравнила хрен с морковкой – петушка и Дровосека, – сказал Кузьма улыбаясь.

– А о каких пришлых людях ты говоришь? – спросил Змей у стрельца.

Глава 13

Взгляд у Поликарпа был тяжелый, а запах из пасти еще тяжелее. Комары и мухи застревали в нем как пули в матрице и, полностью утратив способность летать, камнем валялись вниз. Кажется, в своем арсенале Змей тайно хранил химическое оружие.

Средняя голова, пытая как бронепоезд под парами, упорно пыталась заглянуть мне в мозги. Я понимаю, так здесь принято – встретил незнакомого человека и давай шарить у него в черепушке. Но, сразу скажу, после фокусов Кудесника, мне на это было наплевать. Я абсолютно спокойно выдержал взгляд мохнатой громадины и начал думать, не водятся ли в такой густой шерсти блохи.

Внезапно Змей утратил ко мне интерес, почесал лапой спину и внезапно развернувшись, потопал к князю.

– Ну, рассказывай, какие у тебя... неприятности. – спросил он как ни в чем не бывало у Кузьмы.

Князь, насупился от обиды, все же начал в полголоса, сразу трем головам, пересказывать последние события, временами показывая на нас рукой. Стрельцы, не зная чем себя занять, окружили летчиков, смущенно хлопали их по плечам, причем каждый заверял, что никогда не верил в их предательство и стрелять собирался исключительно мимо. Летчи-

ки кисло улыбались и, как мне кажется, не слишком верили этим утверждениям.

Я же решил максимально использовать возникшую паузу.

– Скажи-ка, дядя, – спросил я у одиноко стоявшего в стороне командира стрельцов, – а Змей этот – кто?

– Как кто? – не понял стрелец. – Змей, он Змей и есть.

– Понятно, что Змей, – согласился я, – Но почему он так с князем... свободно обращается?

– Темнота. – ухмыльнулся стрелец. – Поликарап Никанорович Цугундер – личный представитель Его Царского Высочества в Кузькине! И по совместительству командующий княжескими военно-воздушными силами! И летчиков на службу нанимал он, а не князь. Поэтому и подчиняются они непосредственно ему. Вернее сначала ему, а потом уже князю.

– А что у него за сундучок на шее? – спросила Кейси, как всякая женщина она была равнодушна к украшениям.

– А тебе зачем? – сразу спросил стрелец.

– Просто интересно, – ответила Кейси, – Милый такой аксессуарчик...

– Кому акс... аксекс... аксессуарчик, а кому важная государственная тайна! – сурово ответил стрелец, – И кому попало ее знать не положено!

– А кому положено? – продолжала допытываться Кейси.

– Кому положено, тот и знает! – логика стрельца была прочнее китайской стены.

Спор оборвал дружный хохот сразу трех глоток.

– Ну, ты даешь, князь! – почти рычал Поликарп в перерывах между приступами смеха, – Не думал, что ты такой тупой!

– Это почему? – обиделся князь.

– Да потому, что для того чтобы захватить аэродром, не надо вербовать летчиков. Достаточно тихо перебить охрану! – сказал Змей в перерыве между приступами смеха.

– Или навести подозрение на невинных людей. – сказал князь и посмотрел нас с Кейси.

Наступила мертвая тишина. У меня волосы на спине встали дыбом от внезапно ударившего мороза. Впереди опять замаячил острог, пыточная и топор плача. И кому теперь объяснишь, что не я обвинял Нестерова и Уточкина в измене, а сам Кузьма...

– Не думаю, – еще раз втянув воздух всеми шестью ноздрями, сказал Змей. – Изменой не пахнет, однозначно. И Кудесник ошибаться не может...

– Знаем мы ваших Кудесников! – отмахнулся Кузьма, – Зелья своего попробуются... а потом пахнет, не пахнет. А, может, они оборотни?

У меня опять похолодела спина. Вдруг я действительно стал оборотнем? После всего пережитого?

– Нет, не оборотни, – немного подумав, рассеяла мои сомнения средняя голова. – Обычные люди. Девица, – Змей втянул ноздрями воздух и причмокнул, – очень даже ничего,

взял бы сейчас и украл. Но не могу – служба.

У меня отлегло от сердца. Представляете, схватил бы сейчас этот трехголовый мутант птеродактиля с тиранозавром мою невесту и адью... Ищи Змея в поле ... Пока найдешь замучаешься. А на службе как объяснить причину столь длительной отлучки?

– Оборотни, они или не оборотни, засажу-ка я эту парочку себе в острог. – сказал князь, – На всякий случай. До выяснения обстоятельств и пока Кудесник лично не объявится. Стрельцы, слушай мою команду – взять э....

Где-то недалеко, за озером, гроыхнул гром, потом еще один. Не знаю почему, но князя, стрельцов, летчиков и Змея это очень встревожило.

Нестеров и Курочкин метнулись к самолетам, стрельцы по команде князя организовали круговую оборону аэродрома, а Цугундер после короткого разбега взмыл в небо.

Мы, с Кейси остались одни посреди летного поля. А что еще делать? Побежишь, могут и пристрелить в горячке. Поэтому мы, молча сели на траву и стали любоваться высоко парящим в небе Поликарпом Никаноровичем Цугундером.

Глава 14

Парламентер прибыл ближе к вечеру. Его большая надувная лодка, явно натовского образца, вынырнула из внезапно опустившегося на озеро тумана и, рыча двумя подвесными моторами, как ни в чем, ни бывало, направилась прямым ходом к нашему берегу. На носу, гордо скрестив на груди руки, стоял рыцарь в позолоченных латах. Поверх лат был наброшен развевающийся черный плащ с эмблемой Ордена Копьеносцев.

Бока лодки, на манер викингов, были плотно завешаны гербовыми щитами, что, безусловно, должно было указывать на высокую крутизну прибывшей к нам персоны.

Вам интересно знать, почему я прохлаждаюсь на озере, а не страдаю от сырости, голода и клаустрофобии в мрачных княжеских застенках? Нет в этой метаморфозе ничего странного!

Когда за озером грянул гром, Змей обрадовался, гаркнул сразу всеми тремя головами «Ну, началось!» и, тяжело подпрыгнув, свечой взмыл в небо. Летчики бросились прогревать моторы самолетов. Стрельцы заняли круговую оборону аэродрома, а мы остались не у дел. Всеми забытые, никому не нужные сидели на травке и наблюдали, как растворяется в небесной голубизне инверсионный след Поликарпа

Цугундера. В этот момент на поле вылетели казаки ротмистра Степана, (фамилию которого я так и не узнал).

Сам ротмистр подлетел к князю, соскочил со взмыленного коня и отдав честь, начал в полголоса что-то докладывать. Что он говорил, я не слышал (далеко сидел), но видел, как с каждой минутой мрачнело высокое княжеское чело. Кузьма выслушал ротмистра, приказал стрельцам грузиться в грузовик, сам прыгнул в УАЗик и стал нервно терзать стартер. С третьего раза УАЗик чихнул, выбросил в атмосферу клуб сизого дыма, пальнул карбюратором и завелся. На летном поле остались только мы с Кейси и Клавка, без зазрения совести демонстрировавшая уезжающим стрельцам последнюю модель местного пеньюара. Стрельцы и казаки об нее просто глаза обломали.

Если бы не эта лахудра, про нас бы вообще никто и не вспомнил! Но теперь, чтобы как-то оправдать возникшую заминку, командир стрельцов бросил на нас суровый взгляд и спросил: «Князь-батюшка, а с этими злодеями, что делать?».

Вопрос поставил Кузьму в тупик. После доклада ротмистра князю стало не до нас. Кузьма чертыхнулся и приказал посадить меня с Кейси, но, увы, не в УАЗик (много чести будет), а в жесткий кузов ЗИЛка.

Прикатали мы не в княжеские застенки (говорю специально для тех, кто мечтает нас там увидеть), и даже не в княжеский терем, а прямо на живописный берег.

Мысль о том, что князь собирается скормить нас рыбам

отпала, после того как я хорошо рассмотрел противоположную сторону озера.

Они добрались. Ума не приложу как, но смогли. Я глянул на Кейси. Моя невеста старательно строила из себя древнегреческую статую. Жаль, только, что греки никогда не изображали женщин с выпученными глазами и отвисшей челюстью. А челюсти было от чего отвиснуть.

На том берегу озера войска Педро Свирепого стремительно разворачивали боевые порядки. Танковые колонны организовано выкатывались на берег из-за дальних холмов и строились в атакующий клин. Народ на нашем берегу бросил повседневные дела, схватился за бинокли и подзорные трубы (у кого они были). У кого не было вышеперечисленных оптических средств, просто таращились вдаль приложив руку ко лбу. И тут вдалеке опять гроыхнуло и, на озеро опустилась туманная дымка.

– Ну, где же околачивается этот Гнидо? – рыкнул князь, со щелчком складывая подзорную трубу.

Из рассказов словоохотливой Тамары (кстати, интересно, где она сейчас?) я знал, что Парамон Гнидо – главный колдун города Кузькина. Главный, но не единственный. Насколько я помню содержание потрепанной брошюры «Волшебство и магия в современном Зазеркалье» все волшебники и колдуны, практикующие в местах компактного проживания людей должны иметь лицензию выданную Высшим советом магов и волшебников и вид на жительство полученный из рук пред-

ставителя верховной власти этой местности. В случае войны все лица, обладающие магическими способностями, подлежат обязательной мобилизации вне зависимости от состояния здоровья и других причин.

Тут тоже все понятно, на войне каждый штык, простите, каждая волшебная палочка на счету.

Правда, никто нам войну, пока не объявлял. Официально, сейчас самое настоящее мирное время. Все веселы и счастливы, играют на гусях и балалайках, водят хороводы, веселятся и пьют водку с медовухой.

И только самые осведомленные и наблюдательные видят тучи, собирающиеся на мирном небосклоне городка Кузькина. Как говорится – завтра может быть война. Поэтому непосредственное присутствие главного колдуна не обязательно, но желательно.

Но не нам его судить. Мало ли какие дела у человека? Может, он сейчас корешки секретные собирает, от которых бензин в баках вражеских танков в кисель клюквенный превратится, или сидит под водой у вражеского берега и тайно наводит на врагов порчу зеленую. К тому же, если верить все той же Тамаре, жена князя княгиня (ну естественно княгиня, а кто же еще!) Прелюбомудра Двенадцатая при виде его неровно дышит... Поэтому зачем накалять и без того перегретую обстановку?

Я искоса бросил взгляд на князя. Он перестал всматриваться в туман (абсолютно бесполезное и бессмысленное за-

нятие) и в сопровождении делегации бояр направился к городским стенам. Пешком, без коня и машины! Что говорило или о высокой степени сосредоточенности, или о желании просто прогуляться в приятной компании, проболтать и собраться с мыслями. Ведь, как известно, и у стен бываю уши. В прямом смысле. Их колдуны выращивают в шпионских целях. А тут ни стен, ни ушей – идеальные условия для военного совета. Волочащиеся по земле полы боярских шуб, поднимали столько пыли, что казалось – по дороге катится небольшой танк, а князь просто идет впереди его. Я подумал немного о том, почему бояре носят в жару шубы, но ответа не нашел. Потом задумался о новом подозреваемом в деле о безвременной смерти Золотого Петушка. Снова рисковать жизнью и обозначать князю еще одного возможного фигуранта в деле не хотелось. Тем более я сам этого Гнидо никогда не видел. Слишком это опасное и неблагодарное дело. Зато снова захотелось есть. Наверное, потому, что вспомнил Тамару с её патологической неприязнью к приготовлению пищи.

У меня, же есть с собой невеста! Из многочисленных литературных примеров я знал, что женщина должна уметь практически в любых условиях приготовить полноценный обед! А уж тем более американская повариха. Пусть хоть гамбургер сварганит! Но она этого не знала, или относилась к числу тех женщин, которым проще войти в горящую избу, чем приготовить, пусть и подгоревшую, яичницу. Кейси ничего го-

товить не собиралась. Она занималась своим привычным делом – пыталась определить шансы Кузькина устоять в предстоящем сражении.

– Пятьдесят на пятьдесят. – вынесла вердикт она – С одной стороны, укрепления здесь барахло полное. Долго не продержатся. С другой, есть естественная водная преграда.

– Озеро можно обойти. – сказал я.

– Не думаю. – пожала плечами Кейси. – Если бы все было так просто, городка бы здесь и в помине уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.